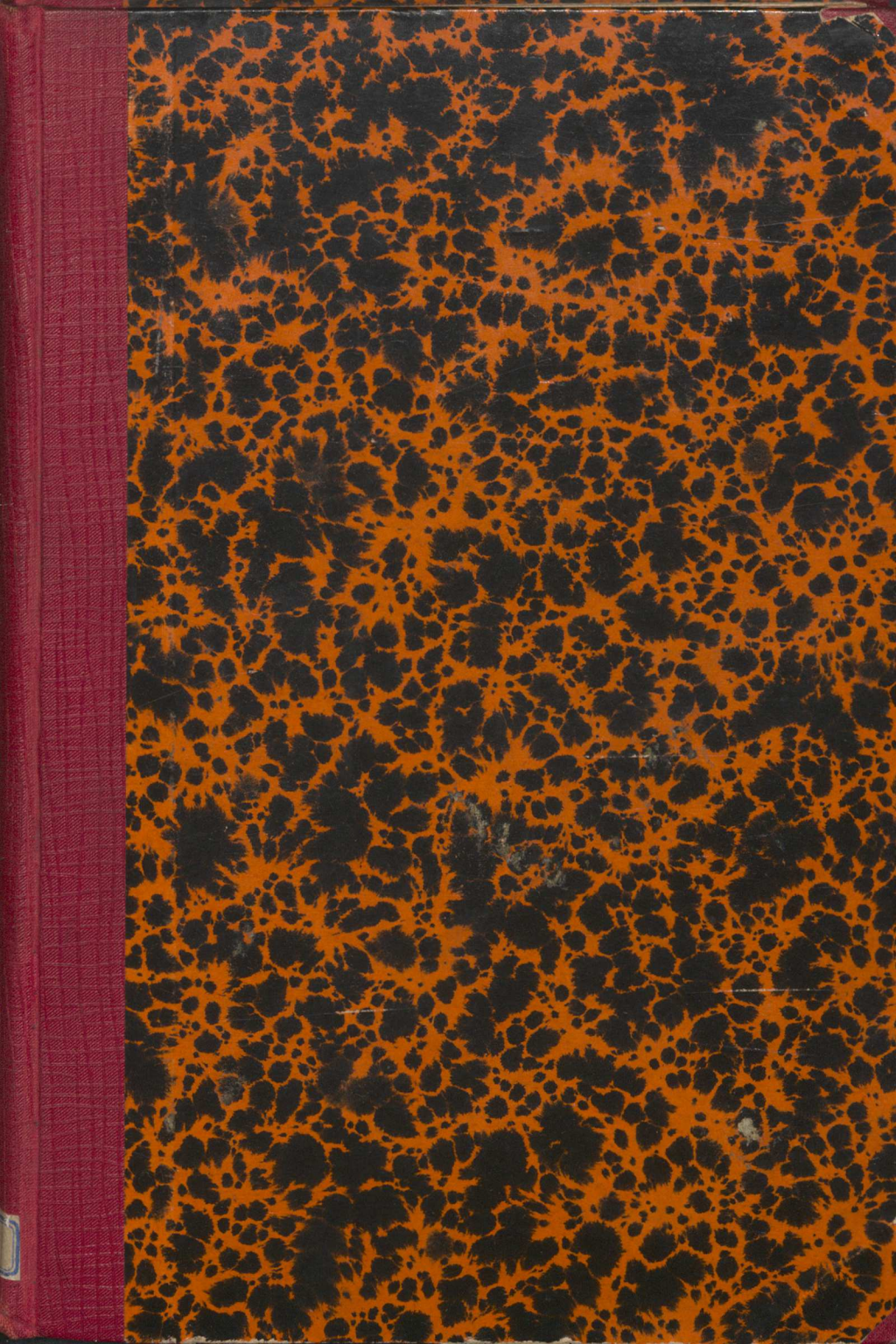

37. 36. 7. 78.

Полк. Е. И. ИВАНОВЪ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ РАНЕНАГО

въ русско-японскую войну.

Изд. І. А. МАЕВСКАГО
Москва, 1914.

И. Е. ИВАНОВЪ.

1914 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- I. „На практикѣ въ Японіи въ 1908 г.“ Съ 7-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна **75** коп.
 - II. Японскій философъ Исе Тейдзіо. „Японская этика“, пер. съ японскаго И. Е. Иванова. (Распродано).
 - III. „Въ общественныхъ мѣстахъ и въ интимныхъ уголкахъ у японцевъ“ (изъ записной книжки путешественника). Съ 28-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна **1** руб. (готовится 2-ое изд.).
 - IV. „Военно-походныя впечатлѣнія: отъ Владивостока до Вафангоу и отъ Вафангоу до Ляояна. Второе изданіе. Цѣна **1** руб. **50** коп.
 - V. „Впечатлѣнія изъ военно-походной жизни за время оккупации Манчжуріи въ 1900--1903 гг.“ Съ 16-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна **85** коп.
 - VI. „Очерки походно-боевой жизни во время боксерскаго возстанія въ 1900 году.“ Съ 12-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна **85** коп.
 - VII. „Возрожденіе сербскаго государства и интриги Австріи“. Цѣна **20** коп.
-

И. Е. ИВАНОВЪ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ РАНЕНАГО

въ русско-японскую войну.

Изд. І. А. Маевского.
Москва, 1914.

МОСКВА.

Типогр. Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бул., Путинк. пер., с. д.

1914.

Впечатлѣнія раненаго въ японскую войну.

Какъ я раненъ.

18-ое августа 1904 г., подъ Ляояномъ, на крайнемъ правомъ флангѣ позиціи на участкѣ 1-го Восточно - Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка, подъ Сигнальной горой у д. Маѣтунъ.

Начинало свѣтать. По мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе, японцы больше и больше засыпали пулями открытую вершину... глаза невольно дольше останавливались на нѣкоторыхъ неподвижныхъ и странно лежавшихъ стрѣлкахъ... молча возились товарищи около раненыхъ, тоже больше молчавшихъ. Русскій раненый солдатъ не любитъ стонать; хныксы—исключенія.

„Ваше высокоблагородіе! Прикажете отне-сти меня на перевязочный пунктъ“, просить съ умоляющимъ взглядомъ унтеръ-офицеръ 3-й роты. Назначилъ трехъ человѣкъ. „Взводнаго ранили!..“ слышится чей-то соболѣзную-

щій голосъ. Молодецъ взводный унтеръ-офицеръ 2-й роты Назаръ Гусаръ сидитъ безъ рубашки, голый... стрѣлокъ обматываетъ ему бинтомъ на-крестъ спину и грудь... рана въ грудь на-вылетъ... Обыкновенно слегка задорное съ твердыми чертами лицо Гусара, на этотъ разъ какъ-то по-дѣтски безпомощно, жалко... Онъ пристально смотритъ на меня... ласково киваю ему головой и приказываю отнести его на перевязочный пунктъ.

На вершинѣ дольше оставаться нѣтъ силъ; оставивъ для наблюденія по отдѣленію (человѣкъ по десяти) въ двухъ маленькихъ окопахъ, спускаю остальныхъ шаговъ на двадцать; самъ прилегъ въ окопѣ, осторожно высматривая изъ-за него... Японцы обстрѣливали горку почти со всѣхъ сторонъ... Отбитые отъ деревни, они отбѣжали за желѣзнодорожное полотно и изъ-за него открыли стрѣльбу по деревнѣ, вдоль и въ тылъ горокъ. Много ихъ оставалось еще въ густой травѣ передъ деревней, куда они, разстрѣливаемые въ упоръ, попрятались, было, вначалѣ: эти продолжали по одиночкѣ отбѣгать, оставляя даже ружья, чтобы легче было; но немногіе убѣгали — пули догоняли ихъ: лишь только показывалась изъ травы черная

бѣгущая фигура, какъ изъ-за забора мелькали огоньки, раздавался съ десятокъ выстрѣловъ подкарауливавшихъ стрѣлковъ, и фигурка, какъ-бы споткнувшись, падала въ траву... Въ отвѣтъ сыпались японскія пули изъ-за дороги, поражали кого-либо изъ стрѣлявшихъ солдатъ, который отваливался съ пробитой головой отъ забора; изъ травы японцы также стрѣляли по неосторожно высовывавшимся...

Прибѣжалъ отъ Верещагина ¹⁾ вольноопредѣляющійся Корниловъ ²⁾ предупредить, что на горку передъ нами ползутъ японцы... Если-бы они заняли эту маленькую горку, то были бы шаговъ въ 150 въ тылу верещагин-

¹⁾ Штабсъ-капитанъ Верещгинъ временно командовалъ ротою Его Величества, которая занимала окопъ впереди и влѣво отъ того мѣста, гдѣ находился я съ двумя ротами, 2-й и 3-ей; потомъ сюда подошла и 4-ая рота. Я, будучи командиромъ роты Его Величества, временно командовалъ баталіономъ, и въ данный моментъ былъ начальникомъ участка праваго фланга позиціи полка на горкахъ передъ деревней Маѣтунъ.

²⁾ Внукъ севастопольскаго героя и сынъ штабмейстера, этотъ симпатичный юноша, какъ только окончилъ Александровскій лицей въ Петербургѣ, тотчасъ же отправился вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Зноско-Сборовскимъ на войну. Оба они поступили вольноопредѣляющимися въ нашъ полкъ и были зачислены въ роту Его Величества.

скаго окопа, отрѣзавъ его такимъ образомъ отъ насъ...

Подзываю командовавшаго 4-й ротой штабъ-капитана Мылова.

„Потрудитесь“, говорю ему, „съ вашей полуротою занять переднюю горку—туда ползуть японцы“...

Мыловъ беретъ руку подъ козырекъ (оба мы стоимъ на вершинкѣ совершенно открыто) и вмѣсто того, чтобы сказать „слушаю“, онъ, вдругъ вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, говорить: „Господинъ капитанъ! На горку съ полуротою итти не могу: я раненъ. Позвольте мнѣ итти на перевязочный пунктъ“...

„Идите съ Богомъ“!..

Мыловъ, хромая, спускается съ горки. Пуля, ударивши мнѣ въ шашку (шашка была въ ножнахъ) выгнула ее и, отскочивъ рикошетомъ, ранила Мылова въ ногу. Оглядываясь, отыскивая офицеровъ—нѣтъ никого: Николевъ (баталіонный адъютантъ) ушелъ съ моимъ приказаніемъ къ Федоровскому ¹⁾,

1) Командиръ 6-й роты капитанъ Федоровскій ночью, когда меня атаквали японцы и когда я обратился къ нему за помощью, прибѣжалъ ко мнѣ съ полуротой и въ данное время вмѣстѣ со 2-й ротой сидѣлъ внизу и сзади меня за глинобитнымъ заборомъ, отбиваясь отъ обходившихъ насъ справа японцевъ...

капитанъ Холево 2-й (командиръ 3-й роты) куда-то скрылся... „Неужели, думаю я, „и этотъ раненъ?“ Даже унтеръ - офицеровъ нѣтъ. Вынимаю револьверъ и, показывая имъ, говорю лежа имъ людямъ: „Отъ этого вотъ человѣка и до этого (взводы перемѣшались) слышите! встать!“ Поднялись всѣ, какъ одинъ. „Вонъ на горку за мной бѣгомъ“. Всѣ побѣжали вмѣстѣ со мной впередъ... На горку, частью штыками, частью стрѣльбой въ упоръ, опрокинули взобравшихся уже наверхъ и еще взбиравшихся японцевъ... На маленькой вершинкѣ приведенные мною стрѣлки, по необходимости размѣстились между трупами. Относительно безопасное убѣжище представляли щели между камнями, куда заползали, укрываясь хоть отчасти отъ фланговыхъ выстрѣловъ и стрѣляя впередъ; стрѣляли, впрочемъ, мало, больше прятались..

Самъ я прилегъ за камнемъ около солдата, обратившаго мое вниманіе своей неподвижностью и побѣлѣвшей кистью правой руки; верхней половины туловища его не было видно; онъ лежалъ между камней. Кромѣ этого, я насчиталъ до 30-ти тѣлъ...

Вотъ все, что осталось, не считая раненыхъ, отъ высланнаго сюда наканунѣ съ под-

поручикомъ Грудзинскимъ ¹⁾ взвода 2-й роты который былъ потомъ подкрѣпленъ полувзводомъ 3-й роты. Изъ пришедшихъ со мною стрѣлковъ нѣсколько человѣкъ было убито и ранено сію же минуту; нельзя было высунуть головы изъ-за камня—японцы были тутъ же подъ горкой, въ густой болотистой травѣ, и оттуда стрѣляли, разстрѣливаемые сами съ горки. Головы ихъ стрѣлковъ чернѣли и изъ-за полотна желѣзной дороги, въ какихъ-нибудь 150—200 шаговъ отъ насъ. Густая цѣпь ихъ залегла за желѣзной дорогой, равняясь съ концомъ деревни, который они атаковали ночью; сюда, за дорогу, они отбѣжали на разсвѣтъ послѣ неудачной атаки, оставивъ кучу убитыхъ и раненыхъ подъ горкой у деревни.

Японская стрѣлковая цѣпь настолько близко залегла отъ насъ, что рисковала попасть подъ выстрѣлы своей же артиллеріи, если-бы японскіе артиллеристы не стрѣляли съ такой замѣчательной отчетливостью, что почти не задѣвали своихъ, хотя, конечно, задѣвали кучки тѣхъ разсѣянныхъ между нами японцевъ, которые, пользуясь темнотой, проникли при атакѣ далеко вглубь нашего расположе-

) Былъ тотчасъ же раненъ въ грудь на-вылетъ.

нія, а теперь, когда разсвѣло, лежали въ густой травѣ, боясь пошевелиться...

Здѣсь, какъ и подъ Вафангоу, я еще разъ убѣдился въ поразительной мѣткости и цѣлесообразности дѣйствій японской артиллеріи. Узнавъ несомнѣнно въ подробностяхъ отъ атакующей насъ ночью пѣхоты (принимала участіе также часть всадниковъ) о нашемъ расположеніи на горкахъ и въ деревнѣ, японскіе артиллеристы открыли методическую стрѣльбу по моему участку; усилія атакующихъ разбились о занятый 2-й ротой уголъ деревни—надъ нимъ и разорвалась первая шрапнель, за ней вторая, третья... Рвались онѣ съ очень низкимъ разрывомъ. Потомъ грохнула шимоза, поднявъ столбъ земли... Шрапнель поражала стрѣлковъ сверху, шимозы разбивали фанзы, заборы, уничтожая закрытія.

Японскіе артиллеристы не могли видѣть насъ изъ-за гаоляна и неровностей мѣстности, однако, они водили по полю траекторіей своихъ снарядовъ, какъ карандашемъ по картѣ, отыскивая и находя цѣли для пораженія... Можно было впередъ сказать съ увѣренностью, когда и гдѣ будетъ рваться ихъ шрапнель... Обстрѣлявъ деревню, японцы уменьшили дистанціонную трубку.

Низкій дымокъ разрыва показался шаговъ въ 300-хъ влѣво на одной линіи со мной, другая шрапнель треснула совсѣмъ близко... „Сейчасъ сюда“... Эта мысль приподняла меня, несмотря на вызванный моей фигурой огонь японскихъ стрѣлковъ, подстерегавшихъ малѣйшее движеніе на горкѣ; я пошелъ прочь отъ того мѣста, гдѣ лежалъ; пошелъ къ лѣвому скату горки, чтобы, кстати посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Въ воздухѣ что-то сверкнуло, или такъ мнѣ показалось, но только вслѣдъ за этимъ я почувствовалъ страшный ударъ по лѣвой рукѣ, какъ будто бы кто хватилъ меня дубиной... Сгибаю руку въ локтѣ—не гнется; хочу повернуть ладонью впередъ—выше локтя поворачивается, а ниже—виситъ какъ плеть. Сѣлъ и, не говоря стрѣлкамъ, что раненъ, послалъ за командиромъ 3-й роты, капитаномъ Холево 2-мъ, чтобы сдать ему баталіонъ; посланный стрѣлокъ, возвратившись, доложилъ, что капитанъ Холево 2-й контуженъ въ голову и сейчасъ ему такъ нездоровится, что онъ итти не можетъ, но, что, когда оправится, то придетъ.

Рѣшилъ, пока хватитъ силъ, ждать, чтобы своимъ уходомъ не смутить людей, которые и безъ того были потрясены ночнымъ боемъ, только-что происшедшей стычкой, а глав-

ное—зрѣлищемъ труповъ товарищей, окружавшихъ ихъ десятками. Сколько времени такъ сидѣлъ я—не знаю; сознаніе уже оставляло меня, когда подошелъ Николевъ; онъ помогъ мнѣ приподняться. Раздробленные кости зашевелились, вызывая острую боль. Стеная и поддерживая раненую руку, при помощи его я добрался до деревни. Тамъ, подъ прикрытіемъ глинобитнаго забора, Николевъ перевязалъ мнѣ рану (или, какъ потомъ шутя выражался онъ, связалъ всѣ мои косточки въ узелокъ) марлевымъ бинтомъ изъ индивидуальнаго пакетика ¹⁾; въ моей сѣдельной сумкѣ хранилась для экстренныхъ случаевъ бутылка хорошаго мюнхенскаго пива—я выпилъ полбутылки, другую отдалъ Николеву; силы немного возбудились.

¹⁾ Такими пакетиками были снабжены всѣ офицеры и нижніе чины; они принесли большую пользу; раненые первымъ дѣломъ хватались за нихъ, чтобы перевязать рану; перевязывали сами, а кто не могъ, просилъ товарищей.

Отъ позиціи до перевязочнаго пункта.

Николевъ назначилъ носильщиковъ, уложилъ меня на два сшитыхъ палаточныхъ полотнища, поцѣловаль на прощанье и перекрестилъ; такъ меня дотащили до передового перевязочнаго пункта, т.-е. до фанзы въ этой же деревнѣ, гдѣ одинъ фельдшеръ перевязываль раненыхъ ¹⁾; тамъ нашлись по счастью, настоящія носилки.

Теперь надо было рѣшить вопросъ, по какому пути итти? Предстояло два: кратчайшій черезъ „Сигнальную“ ²⁾, но она вся дымилась... Шимозы, сотрясая ее, вздымали громадные черные столбы дыма, камней и земли, какъ-бы выходившіе изъ кратеровъ дѣйствующаго вулкана; надъ ними клубились, не исчезая, дымки разрывовъ шрапнели. Другой путь лежалъ вдоль желѣзнодорожна-

1) Меня фельдшеръ не перевязываль.

2) Большая, высокая гора на самомъ правомъ флангѣ всей ляоянской позиціи; на ней былъ устроенъ обсервационный пунктъ и находилось высшее начальство.

го полотна; тамъ, я зналъ, мы должны были пройти въ одномъ мѣстѣ шагахъ въ 300-хъ отъ японцевъ, лежавшихъ за полотномъ противъ деревни и горокъ, но ихъ, покамѣстъ, не было видно и пуль ихъ—не слышно. Не колеблясь, я приказалъ нести себя по этому послѣднему пути.

И хорошо сдѣлалъ: раненый послѣ меня спустился два часа и находившійся въ такомъ же положеніи, какъ и я, Верещагинъ, жестоко поплатился за свою нерѣшительность при выборѣ пути, а Корниловъ—погибъ.

Впослѣдствіи Верещагинъ рассказывалъ:

Меня и Корнилова ранило одной пулей. Мнѣ раздробило кость ноги; его же—легко въ ногу. Я уговорилъ его итти со мной на перевязочный пунктъ. Сначала меня понесли на гору, но вездѣ рвались шимозы; казалось—не пройти. Велѣлъ тогда вернуться въ деревню, чтобы отдохнуть и переждать. Принесли въ фанзу, гдѣ былъ Сапожниковъ; Андреева не было, онъ куда-то исчезъ... (Полковникъ Андреевъ—командиръ 2-го баталіона; подпоручикъ Сапожниковъ—баталіонный адъютантъ 2-го баталіона). Мы выпили зато малагу или марсалу изъ фляжки: деньщикъ-то оставался... Въ фанзѣ находились: я, Сапожниковъ, Корниловъ, три носильщика

(одинъ куда-то отлучился), охотники (человѣка три) и охранники. Охранниковъ было шесть, да Сапожниковъ пять человѣкъ разослалъ. Корниловъ сидѣлъ противъ меня, я лежалъ... Вдругъ пробиваетъ крышу и рвется шрапнель—прямо передъ моими глазами столбъ огня... Чувствую, что умираю... темно... умеръ... Когда я лежалъ передъ этимъ, то отмахивался правой рукой отъ мухъ; мухъ много было въ фанзѣ. Очнулся я скоро, хочу смотрѣть и не могу; глаза запорошило глиной, пылью съ потолка и изъ крыши; кое-какъ прочистилъ лѣвой рукой—правая не дѣйствуетъ. Какъ я держалъ ее, немного поднявши передъ лицомъ, отгоняя мухъ, такъ въ нее и попала шрапнель (шрапнельныя пули); если бы я сидѣлъ или даже былъ бы приподнявшись хоть малость, то навѣрное разбило бы мнѣ голову, а то только царапнуло немного по головѣ и вотъ по щекѣ.

Осмотрѣлся—Корниловъ лежитъ ничкомъ, головой ко мнѣ, лица не видно, затылокъ весь открытъ... черная густая кровь идетъ... Его, должно быть „стаканомъ“ хватило въ затылокъ; у солдата разворотило бокъ—всѣ внутренности наружу. Другой корчится, хватается за грудь; третій убитый свалился за жерновъ, видно только его спину; одному

попало пять шрапнельныхъ пуль въ спину, онъ выскочилъ въ окно, упалъ и оретъ, что есть силы, оретъ благимъ матомъ. Кешка (Сапожниковъ — Иннокентій), перескакивая, задѣлъ ногою и перевернулъ меня... Онъ выбѣжалъ. Въ фанзѣ дымъ, пыль... Кричу... Прибѣжалъ какой-то обозный, онъ сходилъ за стрѣлками; меня вытащили. Велѣлъ я вынести и Корнилова, чтобы похоронили... Меня понесли опять черезъ гору, прямо мимо Штапельберга (командиръ корпуса); спросилъ кого несутъ. Отвѣтили, что раненаго ротнаго. Принесли на перевязочный пунктъ Евдокіи Алексѣевны Вороновой ¹⁾, по ту сторону „Сигнальной“. Врачъ хорошо перевязалъ меня. Евдокія Алексѣевна дала мнѣ выпить стаканъ коньяку и послала драгуна съ запиской къ женѣ; онъ потомъ показалъ женѣ дорогу. Понесли дальше; меня встрѣтилъ Куропат-

¹⁾ Евдокія Алексѣевна Воронова — супруга бывшего командира Приморскаго драгунскаго полка, полковника (нынѣ генерала) Воронова и дочь одного изъ первыхъ русскихъ піонеровъ на Дальнемъ Востокѣ, тянь-цзинскаго комерсанта Старцева. Она во время боксерскаго возстанія подавала помощь раненымъ въ Тянь-Цзинѣ, а въ эту войну имѣла свой собственный летучій отрядъ, организованный ею и содержавшійся частью на ея средства, частью на средства Императрицы Маріи Феодоровны.

кинъ ¹⁾, перекрестилъ и сказалъ, какъ передавали стрѣлки: „пусть выздоравливаетъ и возвращается!“.. Въ это время я былъ въ забытѣи отъ коньяка. Встрѣтила жена, плачетъ... „Саша!“ говоритъ и больше ничего не можетъ сказать. Ногу раздуло какъ бревно; ее пожалуй отрѣзали бы, да жена утатила меня съ операціоннаго стола въ другой баракъ ²⁾.

Носилки со мной несли на плечахъ четверо, да двое запасныхъ носильщиковъ шли позади. Лишь только носилки показались изъ-за гаоляна на открытое мѣсто, какъ пули засвистали около насъ; носильщики мои припустились бѣгомъ, немилосердно встряхивая меня.. Густая трава прикрыла насъ на время отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ; отдохнули въ ней и пошли дальше... Опять пули... Солдатъ, который несъ носилки съ правой стороны у моей головы, вскрикнулъ. Пуля, ударивъ ему въ спину, вышла

¹⁾ Командующій арміей генералъ Куропаткинъ ѣхалъ въ это время къ «Сигнальной» горѣ, какъ къ наиболѣе угрожаемому пункту.

²⁾ Считаю долгомъ добавить къ этому разсказу моего товарища, что его супруга, Софія Максиміановна, бывшая сестрой милосердія, «утатила» также и меня за два часа передъ тѣмъ, и также къ моему спасенію, какъ читатель увидитъ ниже.

въ грудь... Его смѣнилъ запасный; здоровякъ-раненый поплелся самъ, безъ посторонней помощи, отдалъ только товарищу ружье... Но, слава Богу! Мы въ придорожной глубокой канавѣ; пули посвистываютъ высоко... Вправо, по дорогѣ, навстрѣчу намъ ѣдутъ въ д. Маѣтунъ патронныя двуколки; конюха лихо сидятъ на козлахъ, мало обращая вниманія на японскія пули и не смущаясь шрапнелями, которыя шагахъ въ 500-хъ отъ нихъ рвутся надъ горой... Каждый разрывъ снаряда болѣзненно отдается въ моихъ порванныхъ, оголенныхъ нервахъ лѣвой руки: отъ сотрясенія воздуха въ ранѣ чувствуется какъ бы мелкое покалываніе иголками... Миновали д. Гудзядзы ¹⁾), все еще занятую 4-мъ полкомъ и пулеметами; издали разглядѣлъ я Евгенія Яковлевича Котюжинскаго, разставлявшаго въ полѣ роты между деревней и желѣзной дорогой ²⁾). Дальше, за желѣзнодорожной насыпью лежалъ развернутымъ фронтомъ 3-й полкъ, выдвинутый

¹⁾ Наканунѣ эту деревню я занималъ со своимъ баталіономъ и потомъ уже былъ выдвинутъ впередъ.

²⁾ Подполковникъ Котюжинскій въ данное время командовалъ 4-мъ полкомъ. Кажется, судя по направленію ротъ, онъ выводилъ ихъ изъ деревни, чтобы лучше обстрѣлять японцевъ, лежавшихъ за насыпью дороги, противъ д. Маѣтунъ.

изъ резерва противъ обходившихъ насъ японцевъ. Носильщики остановились, подошли знакомые офицеры (братья Горностаевы, между прочимъ).

„Что, ранены?.. Куда?“ „Въ руку“... „Ну, ничего“. „А кость цѣла?“... Пошли дальше позади развернутыхъ и лежащихъ ротъ; многіе оборачиваются, смотрятъ съ любопытствомъ на носилки, на меня: кто—холодно, безучастно; кто—съ участіемъ. Вотъ одинъ молоденькій унтеръ-офицеръ, съ нервнымъ, возбужденнымъ лицомъ, вытянулся ¹⁾ и особенно старательно отдаетъ мнѣ честь; чести здѣсь, въ сраженіи, къ тому же изъ строя, отдавать, понятно, не полагается, но унтеръ-офицеръ отданіемъ чести видимо подчеркиваетъ свое особое сочувствіе раненому, быть можетъ умирающему.

Этотъ не думающій о себѣ унтеръ-офицеръ и подобные ему среди густыхъ рядовъ лежавшихъ солдатъ, готовыхъ бодро встрѣтить врага, и скачущія впередъ подъ выстрѣлами двуколки, и даже бѣлые клубочки дыма отъ разрывовъ шрапнелей, которые, не исчезая въ ясномъ синемъ небѣ, походили на маленькія барашковыя облачка надъ сопками—

¹⁾ Онъ нарочно всталъ; ружье его лежало.

все производило бодрящее, обнадеживающее къ побѣдѣ впечатлѣніе.

Добрались, наконецъ, до полкового лазарета; онъ помѣщался въ фанзѣ съ флагомъ Краснаго Креста на крышѣ, въ деревнѣ, верстахъ въ шести отъ д. Маѣтунъ, по направленію къ Ляояну.

„Ну, что, И. Е.! Куда? Въ руку? Ну-ка, да-вайте, посмотримъ“, говорилъ врачъ, засучивая рукава; онъ началъ разбинтовывать... а я—корчиться отъ боли, жадно ловя малѣйшіе оттѣнки въ выраженіи его лица и другихъ насъ окружающихъ.

„Ну, что, будетъ цѣла рука?...“—спрашиваю, когда онъ, потыкавъ слегка въ рану зондомъ, принялся перевязывать: накладывать лубокъ изъ картона (чтобы хоть немного подравнять кости), бинтовать...

„Такія раны, И. Е., изслѣдуются и чистятся подъ хлороформомъ...“—уклончиво отвѣчаетъ врачъ, избѣгая моего взгляда.—„Вотъ, въ госпиталѣ... тамъ видно будетъ... Покамѣстъ же мы вамъ приостиновили только кровь“...

Крови вышло изъ меня страшно много... Казалось, вся кровь вышла—рубашка, китель и пальто промокли насквозь; пропитанная запекшейся кровью лѣвая пола пальто стояла коломъ...

Въ лазаретѣ начинаютъ укладываться... Старшій врачъ говоритъ: „Нѣтъ, слуга почтенный; насъ уже разъ обстрѣляли шрапнелью!“... Меня выносятъ, вслѣдъ выбѣгаетъ прикомандированный къ лазарету студентъ-медикъ; онъ объясняетъ носильщикамъ, по какому пути итти. „Вдоль желѣзной дороги не ходите“—предупреждаетъ студентъ и меня—„вышло распоряженіе... видите!“...—указалъ онъ на выѣхавшую батарею, которая становилась на позицію рядомъ съ лазаретомъ.

Все новые и новые выдвигавшіеся изъ резервовъ полки ложились развернутымъ фронтомъ за желѣзнодорожную насыпь противъ деревень, которыя захватывали постепенно обходившіе нашъ правый флангъ японцы...

Принесли въ дивизионный лазаретъ, раскинувшій свои шатры среди поля. Дивизионный врачъ—нашъ бывшій полковой, Петръ Григорьевичъ Подольскій, съ которымъ мы прослужили вмѣстѣ лѣтъ семь на Дальнемъ Востоку и „отломали“ Китайскій походъ...

„А! И. Е.! Что? Рука? Кость цѣла?“—„Какое цѣла... Куски торчатъ изъ раны“...—„Ну, ничего, Богъ дастъ, срастется... Васъ перевязывали на полковомъ?“ „Да...“—„Хорошо... И лубки... Ну, раны до Ляояна тревожить не

надо... Не унывайте... все къ лучшему: поѣдете въ Россію, увидите семью, дѣтей“...

Подошелъ нашъ полковой священникъ, отецъ Іоаннъ Врублевскій. Добрая душа! видно, ему очень жаль меня и растревожить боится жалостью; скрыть не можетъ и сказать ничего не можетъ, только смотреть...

„Что, батюшка! не везетъ вамъ на вашихъ ктиторовъ. ¹⁾ Помните, вы говорили про антиминсъ, а теперь, вотъ“... Я не договорилъ фразы, у меня навернулись слезы.

Часу, должно быть, въ третьемъ меня донесли, наконецъ, до станціи Ляоянъ. На дебаркадерѣ оживленная, по праздничному настроенная толпа любитъся рѣдко встрѣчающимся въ жизни красивымъ зрѣлищемъ—видомъ артиллерійскаго боя; отсюда слышенъ гулъ канонады и ясно видны шарообразные, тающіе въ воздухѣ, какъ клубочки пара, дымки разрывовъ непріятельскихъ шрапнелей надъ нашими позиціями.

Оживленные лица, разговоры; много желѣзнодорожныхъ служащихъ, чиновниковъ

¹⁾ Я принялъ ктиторовство послѣ смерти капитана Тучкова (убитаго подъ Вафангоу командира роты Его Величества). Отецъ Іоаннъ часто потомъ говорилъ мнѣ, показывая на грудь: «Смотрите, И. Е., вотъ здѣсь... въ случаѣ чего.. въ сумочкѣ зашитъ антиминсъ».

разныхъ тыловыхъ учреждений въ вицъ-мундирахъ, въ чистенькихъ бѣлыхъ кителяхъ со свѣтлыми пуговицами; мелькаютъ даже модныя дамскія шляпки, цвѣтные зонтики, много офицеровъ...

Какъ - будто, вся эта публика гдѣ - либо въ средней Россіи, въ дачной мѣстности, въ лѣтній, погожій, праздничный день высыпала на станцію къ приходу пассажирскаго поѣзда. Настроеніе у всѣхъ было радостное, праздничное, ни тѣни безпокойства; напротивъ, на всѣхъ лицахъ замѣтна увѣренность, что дѣла наши идутъ хорошо. Этому немало способствуетъ и видъ рядовъ бѣлыхъ палатокъ только-что прибывшихъ изъ Россіи свѣжихъ полковъ 1-го армейскаго корпуса, которые раскинули свои бивуаки близъ станціи. Войска непрерывно продолжали прибывать...

Увѣренность въ побѣдѣ испытывалъ и я, когда меня несли вдоль линіи мимо бодро ожидавшихъ непріятеля полковъ — нашего 3-го и 9-ой дивизіи. Былъ тотъ психологическій моментъ, когда безсознательно чувствовалась и отъ одного къ другому передавалась увѣренность въ томъ, что мы беремъ верхъ, что побѣда наша... Потомъ, въ Харбинѣ, я не сразу повѣрилъ, что наши отступили отъ Ляояна...

Тутъ, на станціи, кольнулъ меня только видъ двухъ подошедшихъ ко мнѣ однополчанъ, шт.-капитана Шев-ова и подпоручика Душ-ина. Одинъ былъ завѣдующій охотничьей командой нашего полка, другой—его помощникъ. Оба въ чистенькихъ кителяхъ, нарядно одѣтые; они радостно почему-то, встрѣтили меня... „А! И. Е.! Ранены? Куда? Ну, Богъ дастъ, заживетъ“... Выражаютъ сочувствіе искренно, но оно мнѣ непріятно, потому что непріятно видѣть здѣсь этихъ двухъ жизнерадостныхъ, съ иголки одѣтыхъ, офицеровъ въ то время, когда ихъ товарищи умираютъ тамъ, впереди, немытые, нечесанные, невыспавшіеся, полуголодные...

Правда, эти два офицера съ ихъ конными охотниками могли быть въ этотъ моментъ гдѣ угодно—развѣдывать имъ было нечего: рядомъ съ нашимъ полкомъ справа и слѣва занимали позиціи другіе полки, а самый крайній правый флангъ прикрывала кавалерія генерала Мищенко. Но при желаніи, разумѣется, можно было найти дѣло впереди, какъ наканунѣ нашли его братья Горностаевы Ѳедоръ и Димитрій—также завѣдующій охотничьей командой и его помощникъ, но только 3-го полка); они со своими людьми вытаскивали раненыхъ на моемъ участкѣ изъ самага жаркаго огня.

**На перевязочномъ пунктѣ въ Тульской
общинѣ.**

Носильщики мои двинулись къ зданію станціи Ляоянъ, на которомъ развѣвался флагъ „Краснаго Креста“. Здѣсь былъ главный перевязочный пунктъ. Когда меня втащили на крыльцо, изъ дверей вышла сестра милосердія, оказавшаяся супругой моего товарища (шт.-капитана Верещагина). Увидавъ меня, Софія Максимиліановна въ высшей степени участливо отнеслась ко - мнѣ. „Ахъ! И. Е.! Вы ранены? Какое несчастье! Куда?.. Въ руку!.. Ну, а что Саша?“ (мужъ).—„Пока ничего, а что дальше будетъ—не знаю“... „Нѣтъ, нѣтъ, не сюда!“—говоритъ она носильщикамъ,—„идите за мной! Я не пущу васъ сюда, И. Е.,—тутъ перевязываютъ грязными тряпками... Богъ знаетъ, что творится!.. Пойдемте въ Тульскую общину“...

Тамъ, энергичная Софія Максимиліановна добилась, чтобы рану поскорѣе осмотрѣли. Начали раздѣвать; чтобы легче снять пальто, пришлось отрѣзать лѣвый рукавъ; лѣвая

пола пальто такъ пропиталась кровью, что стала, какъ лубокъ. Отрѣзали также рукавъ кителя и рубашки; положили на столъ; врачъ зондомъ ощупываетъ рану—я, отвернувъ голову, чтобы не видѣть раны, застоналъ отъ острой боли... „Ничего, ничего“—говорить какой-то пожилой низенькій господинъ безъ фартука и формы, и даетъ мнѣ глотнуть красного вина. Это уполномоченный Тульской общины. Врачи (двое), между тѣмъ продолжаютъ свое дѣло: чистятъ рану, выпрямляютъ руку и накладываютъ подвижные лубки; острая боль уступаетъ тупой, ноющей... Мнѣ дали еще вина; отъ выпитаго вина и пережитаго за послѣдніе дни, меня охватило лихорадочное возбужденіе; не обращая вниманія на довольно чувствительную боль, я безъ умолку болталъ во всю вторую половину перевязки, рассказывая объ эпизодахъ боя и выражая надежду на побѣду... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я неотступно слѣдилъ за выраженіемъ лицъ работавшихъ надо мною врачей, стараясь угадать, какъ и въ полковомъ лазаретѣ, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ моя рана и останется ли у меня рука... Перевязка кончилась, меня переносятъ на койку... Слышу вскользь брошенную фразу: „быть-можетъ удастся спа-

сти“...—говорить кому-то докторъ. Отношу эти слова къ моей рукѣ. Предлагаютъ пообѣдать. Чувствую аппетитъ. Сестра милосердія принесла тарелку вкуснаго картофельнаго супа, поставила ее мнѣ на грудь и начала кормить съ ложки... Ъмъ съ удовольствіемъ, поднимая слегка отъ подушки голову и стараясь не шевелить раненой рукой, потому что даже при слабомъ движеніи ея раздробленные кости сами шевелятся, вызывая острую боль, заставляющую меня морщиться. Послѣ нѣкоторыхъ усилій мнѣ удается принять удобное положеніе—боль стихаетъ, только можжить... „Наконецъ-то“,—думаю,—„отдохну“. Сознаніе полной безопасности и чувство беззаботности успокоительно дѣйствуютъ на меня. „Теперь я не рискую быть убитымъ каждую минуту и не надо ни о чемъ заботиться,—напротивъ, обо мнѣ всѣ заботятся... Хорошо“! И я съ наслажденіемъ нѣжусь на мягкой постели со свѣжимъ бѣльемъ, испытывая ощущеніе комфорта, котораго былъ лишенъ слишкомъ восемь мѣсяцевъ. Доктора, между тѣмъ, продолжали перевязку; перевязали раненаго моего носильщика, котораго привела сюда, какъ и меня, Софія Максимиліановна; С. М. я попросилъ раздать принесшимъ меня солдатамъ пятнадцать руб-

лей; перевязали и послѣдняго солдата, который съ кроткимъ, покорнымъ видомъ терпѣливо цѣлыйчасъ ждалъ своей очереди, подерживая правой рукой лѣвую, кулакъ которой, обернутый въ тряпки, представлялъ изъ себя кроваво-красный комокъ. Доктора ушли, наступила относительная тишина, нарушаемая только слабо слышнымъ здѣсь гуломъ отдаленной канонады. Въ продолговатомъ парусинномъ шатрѣ, куда меня помѣстили, раненыхъ было человѣкъ двадцать,—оставались еще пустыя койки. Моя стояла второй отъ входа; на крайней лежалъ какой-то молодой офицеръ, который заботливо и обстоятельно наказывалъ своему денщику, какъ распорядиться съ оставшимися на позиціи вещами: „Лошадь ты сдай въ нестроевую роту, сѣдло тоже... Новый китель и бѣлье привези сюда, а остальное сложи въ чемоданъ-кровать и тоже сдай въ нестроевую роту... Понялъ?“—„Слушаю, слушаю... понялъ,“—говорить денщикъ. „Легко раненый“,—думаю.—„Вы куда ранены?“—поинтересовался я.—„Въ грудь, навылеть“,—отвѣтилъ поручикъ и продолжалъ: „Такъ вотъ, значить; сапоги ты возьми“... Съ лѣвой стороны лежалъ, видимо, тяжело раненый капитанъ; лицо его осунулось, носъ заострился, у него рана въ жи-

вотъ. Сестра милосердія ¹⁾, держа въ рукахъ бутылку, поила его шампанскимъ. „Передъ смертью для возбужденія тяжело больнымъ даютъ шампанское“,—припоминается мнѣ. Чтобы не разстраивать себя видомъ умирающаго человѣка, я уже старался не смотрѣть налѣво... Время отъ времени въ шатеръ входили или священникъ или ксендзъ; они тихо, молча проходили мимо кроватей, высматривая, не нуждается ли кто въ ихъ помощи... Узнавъ о моемъ раненіи, пришла навѣстить меня А. Ф. Хвастунова, супруга убитаго подъ Вафангоу нашего командира ²⁾. Свиданіе вышло нерадостное; моя рана разбередила ея сердечную рану, напомнивъ о смерти мужа... Косые лучи солнца заглянули въ баракъ, указывая, что день клонится къ вечеру; заговорили о переноскѣ насъ въ санитарный поѣздъ... „Захватятъ ли всѣхъ?“ тревожно спрашиваютъ раненые — всякому хочется поскорѣе и подальше уѣхать

¹⁾ Какъ я узналъ послѣ, эта сестра потомъ во время мукденскаго боя вышла замужъ за начальника штаба арміи, генерала Сахарова.

²⁾ Госпожи Хвастунова и Тучкова (супруга также убитаго подъ Вафангоу капитана нашего полка) послѣ смерти мужей оставались на войнѣ въ качествѣ сестеръ милосердія.

отсюда... Санитары принесли носилки; меня положили однимъ изъ первыхъ. Опять понесли черезъ вокзалъ; на дебаркадерѣ та же оживленная и какъ бы радостно настроенная толпа... Опять меня кольнулъ видъ подошедшаго ко мнѣ поздороваться подпоручика нашего полка З. ¹⁾; этотъ офицеръ, находясь въ распоряженіи командира бригады, почему-то торчалъ здѣсь, тогда какъ бригада, т.-е. 1-й (нашъ) и 2-й полки дрались тамъ впереди... Протащивъ меня между колесъ подъ двумя или тремя поѣздами, носильщики остановились передъ вагономъ съ нарисованнымъ на немъ краснымъ крестомъ.

¹⁾ Гдѣ находился въ это время самъ командиръ бригады—не знаю; старшіе же генералы: начальникъ дивизіи генералъ Гернгроссъ и командиръ корпуса ген. Штакельбергъ сидѣли на Сигнальной горѣ подъ шрапнелями. Кстати, этотъ взволновавший меня подпоручикъ потомъ перевелся въ жандармы.. Скатертью дорога!

Въ вагонѣ.

„Подавай!“—сказалъ кто-то съ поѣзда, и меня вмѣстѣ съ носилками втащили внутрь въ вагонъ и подвязали къ стѣнкѣ. Носилки оказались койкой, ручки которой вставляются въ соотвѣтствующія гнѣзда. Очень удобное приспособленіе, особенно для тяжело раненыхъ, которыхъ при такомъ устройствѣ носилокъ-коекъ не надо лишній разъ перекладывать, что, разумѣется, избавляетъ ихъ отъ лишнихъ мученій. Койки помѣщались въ два яруса: по 6-ти внизу и вверху. Напротивъ меня, внизу, лежалъ японскій солдатъ (унт.-оф.) съ отрѣзанной ногой; тѣ, кто его помѣстилъ въ офицерское отдѣленіе, очевидно были въ припадкѣ остраго чувства гуманности, боязнь, которая появляется иногда у русскихъ, что ихъ не сочтутъ европейцами, а примутъ за азіатовъ... Говорю это къ тому, что въ поѣздѣ, навѣрное, были тяжело раненые русскіе солдаты, для которыхъ удобства офицерскаго отдѣленія были бы очень кстати, тѣмъ бо-

лѣе, что въ солдатскихъ отдѣленіяхъ врядъ ли возможенъ былъ хоть какой-либо уходъ за тяжело ранеными: вагоны были биткомъ набиты. Какъ обыкновенно бывало послѣ большихъ сраженій, раненые солдатики напозли въ поѣздъ во всѣ щели, стояли на площадкахъ, сидѣли на приступкахъ, висѣли надъ буферами, цѣпляясь уцѣлѣвшими руками и ногами за малѣйшіе выступы... Но въ офицерскомъ отдѣленіи, собственно, тѣсноты не было,—каждый имѣлъ свою койку. Что же касается кое-какихъ неудобствъ, то *à la guerre comme à la guerre*. Помню, насъ въ этотъ же вечеръ накормили ужиномъ. За недостаткомъ санитаровъ, фельдшеръ, очень симпатичный господинъ, самъ разносилъ кушанье на табуреткѣ вмѣсто столика. „Я вамъ сейчасъ принесу на табуреткѣ! Хорошо?“—говорилъ онъ, и, принеся, кормилъ тяжело раненаго, если не было поблизости сестры. Какъ бы въ благодарность за это раненые прозвали милаго фельдшера „табуреткой“. „Погодите, вотъ придетъ „табуретка“,—острили сравнительно легко раненые. Ихъ было человѣка три; они чувствовали себя отлично и благословляли судьбу за раны; они радовались, какъ школьники, отпущенные на каникулы. „Вотъ“,—говорилъ капи-

танъ 3-го Сибирскаго полка Федоровъ:— „спасибо японцамъ—прострѣлили руку,—теперь на законномъ основаніи недѣльки двѣ три отдохну въ Никольскѣ, а тамъ и назадъ въ полкъ“ ¹⁾.

У тяжело раненыхъ—иной разговоръ. „Сестрица, милая, поднимите (вѣки), ничего не вижу... Пожалуйста, поднимите“,—умоляющимъ голосомъ просить толстый капитанъ, лежащій напротивъ меня, надъ японцемъ. Мнѣ хорошо видно его; онъ сидитъ, свѣсивъ ноги, грузно спустившись всѣмъ своимъ полнымъ тѣломъ и тщетно пытается поднять пальцами отяжелѣвшія, опухшія, синягровыя вѣки на раздутомъ лицѣ,—это у него отъ контузіи шимозой; кромѣ того, по словамъ доктора, у него, также отъ контузіи—эмфизема легкихъ... „Сестрица, голу-бушка, поднимите, помогите... ничего не вижу... помогите!“ Капитанъ хватается за вѣки, но они не поднимаются... Опять: „Сестрица, милая...“ Сестра успокаиваетъ: „Подождите немного, докторъ сейчасъ придетъ“.—„Сестрица, поднимите сами...“—„Позвольте мнѣ

¹⁾ Капитанъ возвратился, былъ еще раненъ и опять вернулся, былъ потомъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ этого же полка.

вступить въ разговоръ“,—слышится голосъ съ койки, что вверху въ головахъ надо мною; тамъ лежитъ тоже контуженный шимозою въ голову; не будучи уже въ состояніи разбирать словъ окружающихъ, онъ по тону угадываетъ просьбу и, желая помочь, говоритъ: „Я, съ удовольствіемъ, но я не могу, я... знаете... извините, я... въ такомъ положеніи... понимаете.... я...“ — „Оо... охъ!.. оо...“,—раздалось надо мной. „Сестрица, милая, поднимите... Я не могу...“,—продолжаетъ умолять капитанъ.—„Я... не могу!“—вторитъ ему другой контуженный. Приходитъ докторъ, даетъ обоимъ что-то выпить; они навремя успокаиваются...

Поздно ночью пріѣхали на станцію „Гунджулинъ“. Здѣсь работалъ санитарный отрядъ съ извѣстнымъ хирургомъ, докторомъ Мантейфелемъ во главѣ. Въ Гунджулинѣ первая выгрузка раненыхъ. Прошу, чтобы и меня оставили. Докторъ не соглашается. „Здѣсь оставляютъ почти безнадежныхъ, которымъ требуется немедленная операція; вы же въ ней, слава Богу, не нуждаетесь и можете доѣхать не только до Харбина, а хоть до Москвы“,—успокаиваетъ онъ. Вотъ, подите, поймите душу человѣка! Въ Гунджулинѣ оставляли почти умираю-

щихъ; меня не оставили,—значить надо было радоваться, а я былъ серьезно огорченъ... Поѣздъ, погромыхая на стыкахъ рельсъ, плавно пошелъ дальше. Койку слегка покачиваетъ; хочется забыться, уснуть, но мѣшаетъ рука: она можжить и ноетъ... Какое-то полузабытье охватываетъ меня: руку чувствую, но больше ничего не сознаю. Очнулся я, хорошо помню, какъ будто отъ толчка, но поѣздъ стоитъ. Утро чуть брежжить, въ вагонѣ полусвѣтъ... Всматриваюсь, стоитъ жандармъ. Онъ спрашиваетъ: „Который?“— „Вотъ этотъ, и этотъ, да вотъ тотъ“,—отвѣчаютъ. Ничего не понимаю. Соображаю: „Зачѣмъ тутъ жандармъ?“, но вдругъ меня поражаетъ мертвая тишина... Съ вечера безъ умолку говорившіе контуженные, теперь молчатъ... Взглянулъ кверху,—напротивъ меня толстый капитанъ 11-го полка какъ-то странно неподвиженъ; молчить и другой контуженный; надо мною тоже тихо; положимъ, „онъ“ и съ вечера мало подавалъ признаковъ жизни. Въ вагонѣ уже проснулись, но всѣ какъ-то примолкли... Начинаю понимать... И, какъ бы подтверждая мою мысль, жандармъ говоритъ: „Ну, что стали! берись, выноси...“ Я отвернулся къ стѣнкѣ и пролежалъ, закрывшись одѣяломъ, пока стаски-

вали съ коекъ и вытаскивали тѣла умершихъ за ночь двухъ контуженныхъ ¹⁾ и того, что лежалъ прямо надо мною. Когда унесли мертвыхъ и ушелъ жандармъ, вошелъ какой-то телеграфный чиновникъ съ лицомъ корейца или бурята, у которыхъ, какъ извѣстно, такое же монгольское лицо, какъ у японцевъ. Онъ остановился противъ японца и что-то вполголоса сказалъ ему. Я уловилъ

¹⁾ Сильная контузія въ голову обыкновенно кончается смертью, хотя вначалѣ такіе контуженные не производятъ впечатлѣнія обреченныхъ на смерть. Смерть этихъ двухъ офицеровъ мнѣ напомнила офицера-добровольца, контуженнаго въ голову во время сербско-турецкой войны въ 1876 г. Я лежалъ въ лазаретѣ въ Парачинѣ; туда привезли контуженнаго русскаго офицера; онъ былъ въ хорошемъ настроеніи; рассказывалъ при какихъ обстоятельствахъ былъ контуженъ; жаловался только на то, что во время отступленія его вещи попали въ руки черкесовъ и въ томъ числѣ булка... «Особенно жалко булку»,—говорилъ онъ. Слушатели смѣялись. «Ну, вотъ, еще нашли чего жалѣть—небось черствая уже была, здѣсь можете получить сколько угодно мягкихъ». — «Булку, булку....» повторялъ больной, огорченный что его не понимаютъ. «Ну, да, булку...» Потомъ уже кто-то сообразилъ. «Быть можетъ «бурку» вы хотите сказать?» — «Ну, да, булку, булку»,—радостно закивалъ головой контуженный, довольный, что его наконецъ поняли. На другой день онъ умеръ отъ паралича мозга.

только одно слово „Нихонъ“ (Японія); при словѣ „Нихонъ“ на лицѣ раненаго японца отразилось удовольствіе; онъ улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ; чиновникъ постоялъ еще немного и ушелъ... Я тогда же заподозрилъ въ этомъ чиновникѣ японца, а послѣ, слушая въ Харбинскомъ дворянскомъ госпиталѣ рассказы офицеровъ о появленіи среди нашихъ войскъ разныхъ подозрительныхъ субъектовъ монгольскаго типа, пришелъ къ убѣжденію, что этотъ, навѣщавшій раненаго японца, чиновникъ, былъ японскій шпіонъ, хотя, быть можетъ, и дѣйствительно служившій русскимъ чиновникомъ.

Пользуясь тѣмъ, что вагонъ не колышетъ, я поднялся безъ посторонней помощи со своей койки и дошелъ до уборной, но тамъ силы меня оставили и мнѣ сдѣлалось дурно; назадъ уже меня привели, давъ предварительно выпить стаканъ краснаго вина. Пришелъ старшій докторъ; прошу перевязать руку... „Какъ васъ тутъ перевязывать!— говоритъ онъ:—,надо тащить въ перевязочную; а тамъ полно... Да и поѣздъ скоро тронется... Вотъ развѣ на слѣдующей остановкѣ... подождите“. Видъ у доктора измученный; докторовъ двое на весь поѣздъ, при одномъ фельдшерѣ и двухъ или трехъ се-

страхъ, всю ночь не спали, возясь съ ранеными. По ихъ словамъ, поѣздъ былъ биткомъ набитъ; вмѣсто полагаемыхъ по штату 200 человѣкъ, было принято болѣе 500: „Не выкидывать же“,—какъ бы оправдывались доктора. По крайней мѣрѣ, треть изъ этого числа лежала въ лежку: о подачѣ своевременной медицинской помощи и думать было нечего; въ пору было только напоить, накормить и, пожалуй, спать уложить... Персоналъ поѣзда съ ногъ сбился, ухаживая за ранеными,—работали безъ устали, не покладая рукъ.

Считаю нравственнымъ долгомъ упомянуть добрымъ словомъ какъ Тульскую общину, такъ и Варшавскую, обслуживавшую 4-й санитарный поѣздъ, въ которомъ меня везли; дѣлалось все, что только можно было сдѣлать при данной обстановкѣ для облегченія страданія раненыхъ, при самомъ участливомъ, сердечномъ отношеніи къ намъ. Комендантомъ поѣзда былъ капитанъ Ивановъ ¹⁾, старшимъ врачомъ—докторъ Беллюстинъ. Забылъ, къ сожалѣнію, фамилію старшей сестры; супруга управляющаго или (хорошо не помню) варшавской конторой

¹⁾ 12-го Астраханскаго гренадерскаго полка.

государственного банка или контрольной палатой,—барыня бѣдовая: она ходила безъ формы сестры милосердія и давала раненымъ читать не Евангеліе или другія „приличествующія случаю“ духовно-назидательныя книги, а Поль-де-Кока, справедливо разсуждая, что раненый не есть обыкновенный больной, что у него особая психика и что ему болѣе необходимо развлеченіе, чѣмъ благочестивое размышленіе; если же тяжело раненый умираетъ, то такому не до чтенія какого бы то ни было, а скорѣе надъ нимъ надо читать отходную...

Въ Харбинскомъ дворянскомъ госпиталѣ.

На третій день утромъ приѣхали въ Харбинъ. Приемщики (докторъ и депутаты-дворяне) харбинскаго дворянскаго госпиталя отобрали нѣсколько человѣкъ наиболѣе тяжело раненыхъ офицеровъ и солдатъ. Въ это число попалъ и я. Два китайца подъ предводительствомъ сестры милосердія донесли меня на носилкахъ до деревяннаго барака-госпиталя. Вышелъ какой-то молодой докторъ и, обратившись ко мнѣ, небрежно покровительственнымъ тономъ спросилъ: „Ну-съ, что вамъ угодно?“ Тонъ этотъ покорибилъ меня, а сестру, видимо, возмутилъ; она, не давъ мнѣ отвѣтить какъ слѣдуетъ этому господину, горячо начала ему доказывать, что я тяжело раненый, что меня надо поскорѣе положить, сдѣлать перевязку и т. д. „Такъ это не сюда... Несите кверху, въ каменный флигель, въ хирургическое офицерское отдѣленіе...“,—сухо пояснилъ врачъ. Протащивъ еще немного, носильщики остановились передъ двухъэтажнымъ каменнымъ

домомъ; на крыльцо вышла сестра, съ умнымъ лицомъ. „Раненый! а у меня еще ничего не готово!.. Ну, да все равно, вносите, я сейчасъ все устрою...“ Меня внесли въ большую, свѣтлую, но совершенно пустую залу. Въ этомъ домѣ раньше была гостиница, а теперь его приспособляли подъ госпиталь. Принесли койку, которую по моей просьбѣ сестра велѣла поставить въ противоположный отъ входной двери уголъ, въ промежутокъ между угломъ и выступомъ печки; потомъ осенью тамъ мнѣ было тепло и не дуло. Переодѣвъ меня въ чистое бѣлье и уложивъ въ мягкую постель со свѣжимъ бѣльемъ, завѣдывавшая этимъ отдѣленіемъ сестра Перова принесла стаканъ крѣпкаго, ароматнаго, вкуснаго чая, какого я давно не видалъ и который я съ наслажденіемъ выпилъ, отъ души поблагодаривъ милую сестру за привѣтливость и внимательность. Легко представить, какъ успокоительно подействовали на меня эта мирная, почти домашняя обстановка, удобства и заботливый уходъ изящной женщины послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ походно-боевой жизни, когда я былъ лишенъ самыхъ необходимыхъ удобствъ, ежедневно притомъ подвергаясь смертельной опасности. Но мое блаженное состояніе скоро

было прервано: меня потащили на перевязку. Разбинтовали руку... Я отвернулся, но по обыкновенію искоса наблюдалъ за выраженіемъ лица доктора, осматривавшаго рану; онъ нахмурился, покачалъ головой. „Ножницы“,—слышу. Подали ножницы; чувствую, что-то стригутъ въ ранѣ, но боли нѣтъ. Уже послѣ сестра объяснила, что выстригали пораженныя гангреной кусочки мяса... Потомъ докторъ слегка позондировалъ рану, промылъ, перевязалъ, забинтовалъ и въ заключеніе сказалъ: „Завтра надо показать Петру Ивановичу“. Вечеромъ поставили градусникъ,—температура около 38°; утромъ на другой день 38,4. Въ урочный часъ меня снова понесли въ перевязочную. Первое, что мнѣ тамъ бросилось въ глаза когда вносили, это—голая спина съ зіяющей подъ лопаткой раной; докторъ, который вчера перевязывалъ меня, теперь съ утормленнымъ видомъ, какими-то боязливими, порывистыми движеніями запихивалъ желѣзной палочкой въ эту кровавую дыру громадный кусокъ марли... Меня такъ всего и передернуло. Послѣ я избѣгалъ смотрѣть на перевязку другихъ раненыхъ. Двое изъ нихъ корчились въ рукахъ врачей на другихъ столахъ. „Ой, ой, ой-ейее... больно! Ваше вы-

сокоблагородіе, больно!“ — кричалъ солдатикъ. „Докторъ, больно! Больно, ой, больно!“—вторилъ ему офицеръ, напрасно сдерживаясь не кричать. Положили и меня на столъ, раздѣли, немного погодя подошли два доктора, вчерашній и, какъ я догадался, Петръ Ивановичъ. „Да посадите его; такъ неудобно ни осматривать, ни перевязывать“,—говорить онъ. Посадили. Еле сажу: силы совсѣмъ оставили меня. Одна сестра поддерживаетъ меня за спину; другая одной рукой держитъ тазикъ подъ раной, а другой поддерживаетъ раненую руку, собственно верхнюю часть, потому что нижняя часть ея въ рукахъ у Петра Ивановича. Симпатичный, съ рѣшительнымъ выраженіемъ, онъ смѣло ощупываетъ руку, поворачивая туда и сюда, заставляетъ меня сгибать пальцы, опять поворачиваетъ... Я кричу отъ боли... „Сулемовый шарикъ и зондъ“,—говорить онъ сестрѣ, и, обмывъ руку, тыкаетъ въ нее зондомъ; я кричу сильнѣе, онъ продолжаетъ, я еще сильнѣе кричу. „Ничего, ничего!“—успокаиваетъ П. И. Какое ничего! чувствую, что силъ моихъ нѣтъ, что со мной сейчасъ сдѣлается дурно. „Не могу больше!“,—говорю,—„подождите!“.—„Ну, хорошо, отдохните“,—соглашается онъ, и доба-

вляеть: „Дайте ему вина; да не этого (краснаго), портвейна дайте“. Я выпиваю, немного успокаиваюсь, и докторъ снова принимается зондировать. Опять кричу. Но всему бываетъ конецъ. П. И. перевязываетъ рану, кладетъ руку въ лубки и ловко забинтовываетъ. Я жду приговора. „Ну, что же! ничего,—пока подождемъ!“,—говоритъ П. И. Слова эти ободрили меня. Они значили, что мою руку рѣзать не собирались, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ; повидимому, необходимости въ этомъ не представлялось. Спустя нѣкоторое время мучительная боль въ разбереженной изслѣдованіемъ ранѣ нѣсколько утихла и нервы немного успокоились подъ вліяніемъ окружавшихъ удобствъ и отношенія лѣчившихъ и ухаживавшихъ за мной: палатнаго ординатора Василя Ивановича Смирнова, и сестеръ—упомянутой уже госпожи Перовой и сестры Осельской ¹⁾. Я почувствовалъ, что попалъ въ искусныя руки людей съ добрымъ сердцемъ, и у меня появилась надежда на возможность сохраненія руки,—надежда, правда, пока слабая, потому что температура все это время была

¹⁾ Сестра Осельская—супруга врача, мужъ которой въ то время находился въ осажденномъ Артурѣ.

высокой: утромъ 37,4, вечеромъ около 38. Это обстоятельство безпокоило Василя Ивановича; черезъ недѣлю, примѣрно, послѣ генеральнаго осмотра раны, зайдя вечеромъ въ палату, онъ посовѣтовалъ мнѣ не ужинать. „Завтра надо будетъ почистить вашу рану“,—пояснилъ В. И. Слово „почистить“ встревожило меня. Спрашиваю сестру: „Что это значить?“—„Да ничего особеннаго... Ну, промоютъ рану получше... Петръ Ивановичъ посмотреть... Можетъ быть, изъ раны придется что-нибудь удалить“...—„Удалить!?“—„Да ничего серьезнаго, вы не волнуйтесь напрасно“,—успокаиваетъ сестра. На другой день началась „чистка“. Я охалъ, корчилъ, стоналъ, скрежеталъ зубами, кричалъ даже, но это мало помогало. Меня крѣпко держали, пока Петръ Ивановичъ управлялся съ рукой. „Ножницы“,—говоритъ П. И. Подаютъ, онъ что-то стрижетъ ими въ моей ранѣ; больно, но терпимо. Затѣмъ, получивъ еще какой-то пыточный инструментъ,—название забылъ,—запустилъ его глубоко въ рану; чувствую, что рѣжутъ по живому тѣлу; кричу, или вѣрнѣе, ору благимъ матомъ: „больно“. „Ничего, ничего, потерпите, сейчасъ“,—твердитъ свое Петръ Ивановичъ. „Ну, вотъ и кончено; теперь, ложечкой не-

много; да не бойтесь,—это легче!“. Какое тамъ легче!—засунуль ложечку въ рану, да какъ скребнетъ по кости что есть силы, такъ у меня духъ захватило отъ боли; что-то хрустнуло. „Ну, вотъ видите: секвестръ“,—торжествуетъ онъ и показываетъ окровавленными пальцами маленькій загнившій кусочекъ кости, вынутый изъ раны. „Сестра! сулемовый шарикъ!“—снова слышится его команда. Такими шариками смывается съ раны кровь и гной въ тазикъ, который держитъ подъ раной сестра; много уже набралось этихъ окровавленныхъ шариковъ и крови... Смотрю, опять лѣзетъ ложечкой въ рану; я протестую: „Не могу“,—говорю,—„мочи нѣтъ“.—„Ничего, ничего, еще немножечко“. Снова страшная боль и снова отодранный кусочекъ... „Чистка“ продолжалась полчаса, по крайней мѣрѣ, и совершенно измучила меня. Для поддержанія силъ опять давали вина... Но зато въ награду за перенесенныя мученія, температура замѣтно понизилась: поддерживавшіе ее на высокомъ градусѣ гнойники были вскрыты и гной выпущенъ. Наступившую ночь я проспалъ крѣпко—всю, первый разъ послѣ раненія, точно такъ же, какъ и слѣдующую; но утромъ во время перевязки, слышу, П. И. говоритъ: „Что съ

вами, сестра?“ — „Да, жалко!“ — отвѣчаетъ она. Смотрю, у нея на глазахъ слезы; спину же мою усиленно моютъ: она оказалась вся покрытой запекшейся кровью отъ бывшаго ночью кровотеченія изъ раны... Это такъ удручающе подѣйствовало на меня, что, боясь истечь какъ-нибудь во снѣ кровью, я усиленно просилъ дежурныхъ сестеръ осматривать по ночамъ, когда я сплю, мою руку,—не кровоточить ли она. Скоро, впрочемъ, страхи эти прошли благодаря новому кровотеченію, обратившему вниманіе врача на причину ихъ. Черезъ нѣсколько дней, слѣдя за сестрой, оканчивавшей по обыкновенію послѣ врача перевязку моей руки, я замѣтилъ на салфеточкѣ ¹⁾, положенной сверхъ всунутой въ рану турунды ²⁾ красное пятно отъ просочившейся изъ раны крови. Указываю сестрѣ на необычное появленіе крови. Пятно дѣлается все больше и больше... „Василій Ивановичъ!“—говоритъ сестра:—„кажется, кровотечение...“ Меня кладутъ снова на столъ, рану обнажаютъ. „Давайте плоскогубцы, приготовьте шелковинки“,—распорядается В. И.;—„быть можетъ придется нало-

¹⁾ Кусокъ мягкой тряпочки.

²⁾ Мотокъ корпіи.

жить лигатуру“. Слова: плоскогубцы, лигатура непріятно дѣйствуютъ на слухъ. „Ну, держите крѣпче!“—говорить сестрамъ милѣйшій Василій Ивановичъ и лѣзетъ плоскогубцами въ мою рану; копается тамъ... мнѣ больно; по обыкновенію, покряхтываю слегка и вдругъ вскрикиваю не своимъ голосомъ: ощущеніе острой нестерпимой боли пронизываетъ меня. „Ну, вотъ и захватилъ!“—говорилъ довольный В. И.—„Сестра, шелковинку скорѣе; да не такъ, а вотъ такъ...“ Боль отпустило немного, я внимательно смотрю, что дѣлаетъ докторъ: онъ перевязываетъ что-то. Перевязавъ, берется за щипцы и снова суетъ ихъ въ кровавую массу... Я отворачиваюсь, и чтобы не кричать, стискиваю зубы, съ какимъ-то свистомъ втягиваю въ себя сквозь нихъ воздухъ; но опять такая же страшная боль вызываетъ неистовый крикъ; кричу и визжу, какъ поросенокъ, которому перерѣзываютъ горло. И такъ повторилось четыре раза: В. И., захвативъ кончикъ кровоточившаго порваннаго кровеноснаго сосуда (жилки)), вытягивалъ его и перевязывалъ шелковинкой, другими словами—накладывалъ лигатуру. При этомъ была такая невыносимая боль, что никогда, ни раньше, ни послѣ я не чувствовалъ ничего подоб-

наго. Мой душу раздирающій крикъ видимо неприятно дѣйствовалъ даже на привычныхъ сестеръ; мнѣ самому онъ былъ противенъ: что-то животное, нечеловѣческое слышалось въ немъ. Тутъ только я понялъ значеніе выраженія: „жилы тянуть“; изъ меня буквально тянули жилы... Какъ потомъ мнѣ объяснили, кровотеченіе — первое (ночное) и второе (во время перевязки), — произошли отъ того, что „пробки“ (сгустки крови), естественно закупорившія послѣ раненія концы порванныхъ кровеносныхъ сосудовъ и препятствовавшія имъ такимъ образомъ кровоточить, — выскочили, быть можетъ, отъ „чистки“ раны. По моему мнѣнію, нѣкоторые мелкіе кровеносные сосуды могли быть нечаянно перерѣзаны во время „чистки“ раны, когда ее „уширяли“, чтобы дать больше выходовъ для гноя... Такъ или иначе, кровотеченія прекратились. Опухоль опала; рана выяснилась: пуля (а быть можетъ осколокъ шрапнели), попавъ въ руку сзади около самаго локтевого сустава, сломала плечевую кость, раздробивъ и вынеся часть ея вонъ изъ тѣла. Повидимому, былъ задѣтъ и локтевой суставъ, — по крайней мѣрѣ, нижній край наружнаго отверстія раны захватывалъ его; входное отверстіе раны было небольшое, но

выходное—вершка полтора. Когда открывали рану, изъ нея торчалъ кусочекъ кости; врачъ надавить пинцетомъ—кусочекъ скроется; отниметь пинцетъ—кусочекъ появится. Это былъ осколокъ нижней части плечевой кости, оторванной отъ ствола и закрѣпленный въ суставѣ, онъ двигался на сухожиліи, какъ на шарнирѣ... Для спасенія руки необходимо было, чтобы онъ сросся съ остальной частью кости; съ этой цѣлью руку держали въ лубкахъ и крѣпко бинтовали. По мѣрѣ выясненія свойствъ раны и обнаруженія благопріятныхъ признаковъ начинавшагося заживанія, возростала надежда на сохраненіе руки, и, понятно, улучшалось мое самочувствіе. Теперь ужъ я не отворачивался отъ раны во время перевязки, а, наоборотъ, неослабно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалъ докторъ съ рукой, тѣмъ болѣе, что, благодаря замозолившейся поверхности раны, перевязка стала почти безболѣзненной. Дѣлалась обыкновенно она такъ: разбинтовывали сначала руку, снимали лубки, отмачивали присохшія салфеточки и снимали ихъ, при этомъ бывало иногда больно, когда, недостаточно отмочивъ ихъ, отдирали; потомъ, вынувъ турунду, промывали рану, затѣмъ начиналась собственно перевязка. Въ сквоз-

ной каналъ раны вставляли, пропихивая пинцетомъ, турунду, пропитанный іодоформомъ жгутъ изъ марли; на отверстіе накладывали салфеточки; затѣмъ, наложивъ для приданія правильнаго направленія частямъ сломанной кости лубки, забинтовывали руку и подвязывали ее косынкой къ шеѣ. „Посмотрите, какой хорошій рубецъ образуется“,—замѣчалъ В. И., указывая на начинавшійся затягиваться нижній край раны.—„Рана ваша хорошо гранулируется“,—говорила также въ утѣшеніе мнѣ сестра милосердія. „Что это такое „гранулируется“,—поинтересовался я узнать.—„Грануляція ¹⁾—это есть исправленіе дефектовъ организма“,—такъ, кажется, мнѣ пояснили. Природа устроила мудро. Когда послѣ раненія кровотеченіе естественно или искусственными мѣрами пріостанавливается,—начинается процессъ гніенія; въ то же время кровь усиленно приливаетъ къ поверхности раны, принося въ большомъ количествѣ бѣлые шарики; эти тѣльца служатъ для образованія клѣточекъ новой ткани, создающейся взамѣнъ разрушенной; вмѣстѣ

¹⁾ Въ болѣе узкомъ смыслѣ—грануляція есть мелкозернистая ткань, развивающаяся на заживающихъ ранахъ и язвахъ.

съ тѣмъ они вступаютъ въ жестокую борьбу съ болѣзнетворными микроорганизмами, стремящимися извнѣ проникнуть въ организмъ больного, чтобы, заразивъ его, разрушить. При этомъ бѣлые шарики схватываются, можно сказать, съ противниковъ въ рукопашную: растянувшись и обхвативъ микробъ, бѣлый шарикъ какъ бы пожираетъ его. И такъ, рана „гранулировалась“ хорошо; острыхъ болей не ощущалось, только тупая, ноющая боль въ кости не оставляла меня; можжило всегда, особенно послѣ перевязки или когда бывало неловко пошевелишься—тогда шевелились и кости. „Что, капитанъ, косточки пошевеливаются?“—говорилъ В. И., заходя въ палату и видя меня въ сидячемъ положеніи. Сидѣть требовали врачи, хотя голова моя кружилась отъ этого и хотѣлось лечь; вслѣдствіе потери крови упадокъ силъ былъ полнѣйшій. Со времени раненія прошелъ мѣсяцъ. Обновивъ палату, я давно уже былъ въ ней не одинъ, а послѣ боевъ на Шахѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда, по выраженію врачей, завалили госпиталь ранеными, въ ней стояло 20 слишкомъ коекъ и все съ тяжело ранеными офицерами. Одному пуля попала въ глазъ. Глазъ вытекъ, пуля попала въ затылокъ, а офицеръ остал-

ся живъ и уже поправлялся, опасаясь только, что его рану сочтутъ легкой и не причислятъ ко 2-му классу раненыхъ. Другому—пуля, ударивъ въ ротъ съ одной стороны, вышибла 9 зубовъ и вышла съ противоположной. Губы раздулись такъ, что ему нельзя было рта разинуть. Этого раненаго кормила сестра, наливая бульонъ черезъ тоненькую резиновую трубку. Рассказывали, что этотъ офицеръ, будучи раненъ, послалъ отцу, также военному, телеграмму съ описаніемъ раны. „Поздравляю“,—отвѣтилъ отецъ. Третій ¹⁾, офицеръ былъ раненъ въ грудь навывлетъ. Въ качествѣ баталіоннаго адъютанта онъ скакалъ по полю съ приказаніемъ, когда увидѣлъ отступавшую безъ офицера цѣпь своего полка; молодчина соскочилъ съ коня, бросился къ солдатамъ и, растопыривъ руки, закричалъ: „Стой, стой! куда!“, но мгновенно упалъ пораженный пулей... У полковника генеральнаго штаба Россійскаго были пробиты пулей, кажется, обѣ ноги... 18-ти-лѣтній

¹⁾ Это былъ именно тотъ удивившій меня молодой офицеръ, который, будучи только что принесенъ съ поля сраженія—18 августа, подъ Ляояномъ—съ прострѣленной грудью, такъ заботливо отдавалъ приказаніе своему денщику, какъ распорядиться съ оставшимися на позиціи вещами.

прапорщикъ запаса лежалъ съ раздробленной голенью; часть кости у него была со-всѣмъ вырвана изъ ноги; перевязку ему дѣлали подъ хлороформомъ, иначе она была бы для него невыносимо мучительна. Однако, по поводу его, повидимому, безнадежно тяжелой раны, Петръ Ивановичъ говорилъ: „Вотъ, что значитъ молодость-то! Надкостница чудеса дѣлаетъ; нарастаетъ, замѣтно на-глазъ при каждой перевязкѣ (перевязку старались по возможности дѣлать рѣже—дня черезъ три-четыре); вотъ увидите, кость у него сросется, только нога будетъ на нѣсколько сантиметровъ короче“.—„Какой на васъ чинъ?“—все допытывалась у прапорщика старшая сестра милосердія княжна Оболенская, удивляясь, что онъ такой молоденькій пошелъ на войну, имѣетъ уже чинъ и тяжело раненъ, хотя почти еще мальчикъ (прапорщикъ казался значительно моложе своихъ лѣтъ). Поручика Дивногорскаго ранили въ плечо, когда онъ былъ въ „цѣпи“¹⁾,

¹⁾ Цѣпью называется линія солдатъ, отстоящихъ другъ отъ друга на два на три и болѣе шага; въ «цѣпь» «разсыпаются» тогда, когда непріятель уже недалеко и надо начинать стрѣлять. Для стрѣльбы «цѣпь» обыкновенно ложится, если, впрочемъ, позволяетъ мѣстность.

раненый поползъ назадъ; надо было перебраться черезъ бугоръ. Когда Дивногорскій доползъ до вершинки, то бывшіе неподалеку японцы всадили ему въ спину и пониже въ мягкія части еще нѣсколько пуль... Чтобы извлечь ихъ, надо было сдѣлать глубокіе разрѣзы такъ, что въ перевязочной спина довольно таки полного поручика напоминала раздѣланную бычачью тушу, какія зимой вывѣшиваются въ мясныхъ лавкахъ. Однако поручикъ, несмотря на свои раны, не унывалъ. Когда его бывало шпигуютъ въ перевязочной разными турундами и тампонами, то онъ стонетъ какъ всѣ мы; когда же перевязка оканчивалась, то мощная натура его скоро брала верхъ надъ немощами; хотя разбереженные перевязкой раны еще горѣли, жизнерадостный поручикъ, преодолая боль, могъ уже шутить; когда его выносили послѣ перевязки въ палату, онъ продолжалъ, правда, стонать, но стонать, можно сказать, мелодично и на мотивъ изъ какой-либо оперы, напримеръ, онъ часто подражалъ умирающему студенту обожателю Маргариты изъ „Фауста“: „Я умираю... Я умираю...“,—тянулъ Дивногорскій своимъ пріятнымъ теноркомъ, оживляя этимъ „умираю“ палату. Мы смѣялись, Дивногорскій тоже, и въ то же время

гримасничали отъ боли, потому что вызванное смѣхомъ колыханіе всего тѣла сейчасъ же болѣзненно отдавалось на порванныхъ нервахъ... Какъ поручикъ Дивногорскій, такъ и большинство здѣсь лежавшихъ, были тяжело ранены, но не смертельно, не безъ надежды на выздоровленіе. „Сомнительныхъ“ было только двое: одинъ изъ нихъ раненый въ животъ, призванный изъ запаса, шт.-капитанъ (фамилію его, къ сожалѣнію, забылъ) обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими разсказами о томъ, какъ онъ мыкался по бѣлу свѣту. Изъ дѣйствительной службы въ запасъ онъ ушелъ, вѣроятно, изъ-за какого-либо пустяшного недоразумѣнія съ командиромъ полка или, вѣрнѣе, потому что его мягкой натурѣ показались жесткими требованія военной службы; но и внѣ ея доброе сердце и мягкій характеръ симпатичнаго шт.-капитана помѣшали ему приспособиться къ жизни,—обычный удѣлъ многихъ русскихъ впечатлительныхъ и неуравновѣшанныхъ людей, желающихъ совмѣстить несовмѣстимое: служить Богу и мамонѣ. Гдѣ-то только онъ по выходѣ въ запасъ не служилъ: и въ акцизѣ, и на желѣзной дорогѣ—помощникомъ начальника станціи въ какой-то степной глуши, гдѣ цѣлыми

часами, сидя въ придорожной канавѣ, пилъ пиво и игралъ на гитарѣ! Потомъ поступилъ смотрителемъ въ каменноугольныя копи, лазилъ по шахтамъ; тамъ особенно его заинтересовало, какъ спускали по наклонной плоскости въ шахту лошадей: „Посадятъ въ ящикъ лошадь,—она и сидитъ, какъ чловѣкъ и ѣдетъ“,—разсказывалъ онъ. Перепробовавъ такимъ образомъ нѣсколько „вольныхъ профессій“ и скопивъ сотню-другую деньжонокъ, шт.-капитанъ задумалъ разбогатѣть. Съ этой цѣлью пріѣхалъ въ Минскъ, набралъ артель босяковъ, роздалъ задатки и велѣлъ имъ собирать по задворкамъ старыя резиновыя галоши и доставлять ему. Галоши эти онъ рассчитывалъ съ выгодой для себя продавать на резиновую мануфактуру. „Ну, что же, удалось разбогатѣть?—спросилъ кто-то. „Нѣтъ, какое—прогорѣлъ, сѣлъ въ галошу!“—добродушно шутилъ надъ собой шт.-капитанъ: „Они, шельмецы, что похуже несли мнѣ, а что получше—сами продавали въ мануфактуру... Такъ и не удалось... А вотъ, другіе на этомъ богатѣютъ—я знаю“...—„Богатѣютъ тѣ, что сначала сами собираютъ, а потомъ уже нанимаютъ подручныхъ“,—возражали ему.—„Ну, я не тряпичникъ“,—сентенціозно замѣчалъ милѣйшій шт.-капитанъ.

Закончилъ этотъ бѣдняга свое земное странствованіе, сложивъ свои кости на Харбинскомъ кладбищѣ. Умеръ онъ ужъ безъ меня, послѣ того, какъ П. И. Постниковъ и В. И. Смирновъ выбыли изъ лазарета, а ординаторомъ офицерскаго хирургическаго отдѣленія былъ назначенъ нѣкто докторъ Нехорошевъ; при немъ и уходъ, и лѣченіе стали хуже; у него произошелъ, между прочимъ, мало вѣроятный въ медицинской практикѣ случай съ поручикомъ Юхновскаго полка Смирновымъ, у котораго была глубокая рана въ груди: въ рану для стока гноя вставляли дренажъ; приносятъ какъ-то поручика на перевязку, разбинтовываютъ рану, снимаютъ салфеточки, прикрывающія отверстіе, докторъ Нехорошевъ хочетъ вынуть дренажъ, но дренажа нѣтъ—исчезъ... Можно представить себѣ смертельный ужасъ бѣднаго поручика Смирнова, когда онъ узналъ, что дренажъ засосало въ рану и что дренажъ сидитъ у него глубоко въ груди... Дренажъ засосало потому, что вопреки элементарныхъ правилъ науки, господинъ Нехорошевъ по небрежности вставилъ дренажъ простой, безъ лапокъ, которыми онъ долженъ былъ бы держаться за края раны и какіе, разумѣется, имѣлись налицо въ богатомъ дворянскомъ лазаретѣ, въ

изобилии снабженномъ необходимыми для лѣченія хирургическихъ больныхъ принадлежностями. Спасибо Нехорошеву, что онъ хоть не вздумалъ выковыривать изъ поручика Смирнова дренажъ (можетъ быть, впрочемъ, тотъ и не дался), а отправилъ его поскорѣе умирать въ Европейскую Россію. Однако, поручикъ Смирновъ не умеръ, а рекламируя свою живучесть и искусство врача Нехорошева, доѣхалъ благополучно до Москвы, откуда комитетомъ Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны былъ отправленъ за границу, гдѣ, кажется въ Висбаденѣ, вынесъ операцію извлеченіе дренажа изъ груди, оттуда вытащили комокъ „mit gross faust“, какъ выразился дѣлавшій ему операцію нѣмецкій хирургъ. Объ этомъ случаѣ преступной небрежности врача Нехорошева рассказывалъ мнѣ самъ поправлявшійся уже поручикъ Смирновъ, встрѣтаясь со мною на Ривьерѣ.

Другимъ „сомнительнымъ“ былъ поручикъ Балмашевъ; осколкомъ шрапнели ему снесло кусокъ черепа, видно было, какъ пульсировалъ мозгъ... Несмотря на страшную рану, самочувствіе поручика было хорошее, никакой ненормальности въ немъ не замѣчалось. Разсуждалъ онъ здраво и любилъ даже

поспорить объ отвлеченныхъ предметахъ. Но когда мы по этому поводу выражали свое удивленіе доктору В. И. Смирнову, то онъ говорилъ: „Да, господа, это только такъ кажется, что у него все идетъ хорошо, а между тѣмъ возможны роковыя осложненія, предотвратить которыя мы совершенно бессильны: наука не даетъ никакихъ средствъ. Достаточно, чтобы какая-либо микроскопическая частица надавила на ту или другую особенно чувствительную открытую часть мозга—и катастрофа неминуема; не перевязывать же нельзя—рана гноится“... Помню осенній вечеръ; только что пустили электричество; Балмашевъ пошелъ въ уборную... Возвращаясь оттуда, онъ, не доходя до своей койки, безцѣльно остановился недалеко отъ меня; видъ у него былъ необычный: плохо завязанный гашникъ слабо поддерживалъ кальсоны, сзади выпросталась изъ-за нихъ рубашка; взглядъ помутившійся, блуждающій; видимо, Балмашевъ ничего не сознавалъ. „Лихорадка“,—тихо, какимъ-то нутрянымъ голосомъ проговорилъ онъ, скрежеща зубами... Его довели до мѣста и уложили. „Лихорадка“, — повторялъ онъ все громче и громче, и наконецъ неистово началъ кричать: „Лихорадка! лихорадка!“, а

потомъ, затихая: „О, Господи... О, Господи...“—кричалъ снова Балмашевъ, то призывая Господа, то ругаясь по матерному. Прибѣжавшая молоденькая сестра милосердія, вслушавшись въ его слова, замѣтила: „Бѣдный, какъ онъ странно молится“ Балмашевъ въ припадкѣ безумія повторялъ, очевидно, тѣ слова, которыя чаще другихъ ему приходилось произносить въ жизни, т.-е. имя Господа и матерное слово. Когда я потомъ лежалъ въ московской факультетской хирургической клиникѣ, тамъ при мнѣ умиралъ также отъ воспаленія мозга одинъ образованный армянинъ, такъ тотъ, находясь уже въ безсознательномъ состояніи, все повторялъ: *Mon Dieu! Ma mere! Mon Dieu! Ma mere!*¹⁾ Поручику Балмашеву дали успокоительнаго (опія) и вынесли въ отдѣльную комнату, гдѣ онъ, бѣдняга, черезъ двое сутокъ, не приходя въ себя, скончался.

Къ сомнительнымъ, въ смыслѣ надежды на выздоровленіе, слѣдовало бы отнести еще и одного лежавшаго тогда среди насъ раненаго, если бы онъ не выздоровѣлъ, можно сказать, вопреки законовъ природы, и не только выздоровѣлъ, но еще и отправился

¹⁾ О, Боже мой! о моя мама!..

снова воевать; я говорю объ извѣстномъ героѣ подавленія андижанскаго возстанія въ Туркестанѣ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, поручика (тогда) Карселадзе (грузинъ). Среди мирной тишины и видимаго спокойствія, глубокой ночью въ г. Андижанѣ нѣсколько тысячъ возставшихъ сартовъ и таджиковъ напали на роты расположеннаго тамъ стрѣлковаго баталіона. Часть мирно спавшихъ солдатиковъ была измѣнически убита сонными, другіе же, вскочивъ спрессонья, ошеломленные неожиданнымъ нападеніемъ, гибли безоружными подъ ударами шашекъ; только нѣкоторые, успѣвъ разобратъ ружья, штыками отбивались въ разбродъ отъ нападавшихъ, потому что боевые патроны лежали въ пороховомъ погребѣ, а караульные—подъ замкомъ у каптенармуса, котораго въ суматохѣ трудно было найти, да, вѣроятно, растерявшись, никто и не искалъ, пока пробившись черезъ толпу враговъ, не прибѣжалъ въ казарму первымъ изъ офицеровъ подпоручикъ Карселадзе и не возстановилъ до извѣстной степени порядокъ. Тогда нашли патроны; ободренные распоряженіями и присутствіемъ духа офицера солдатики, сомкнувшись въ ряды, открыли стрѣльбу по насѣдавшимъ большими

толпами сартамъ. Прибѣжали и другіе офицеры; послушные привычной командѣ, стрѣлки дали дружный отпоръ мятежникамъ, толпы которыхъ скоро отхлынули, оставивъ кучи убитыхъ и раненыхъ... Вспыхнувшее было пламя возстанія погасло, не успѣвъ разгорѣться, благодаря главнымъ образомъ отвагѣ и присутствію духа молодого офицера, подпоручика Карселадзе. За свой подвигъ онъ получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени—награду скромную. Въ эту войну, уже въ чинѣ шт.-капитана, Карселадзе былъ привезенъ въ Дворянскій госпиталь со страшной раной—съ осколкомъ шрапнели въ животъ; но мощная натура шт.-капитана справилась съ тяжелымъ раненіемъ, а истинно военный духъ не позволилъ ему долго оставаться на госпитальной койкѣ. Шт.-капитанъ Карселадзе, не дождавшись полного заживленія раны, съ перевязкою и биндажемъ на животъ и съ неизвлеченнымъ осколкомъ ¹⁾ шрапнели уѣхалъ на позицію, увезя туда съ собою единственнаго вольнонаемнаго въ лазаретѣ санитаря Ивана, парня лѣтъ

¹⁾ Осколка нельзя было извлечь, потому что онъ засѣлъ гдѣ-то глубоко въ кишкахъ; такъ онъ и сидитъ тамъ до сихъ поръ у капитана Карселадзе.

18-ти, котораго онъ соблазнилъ разсказами о прелестяхъ походно-боевой жизни и мечтой о будущихъ подвигахъ.

Шт.-капитанъ Карселадзе уѣхалъ на позицію съ незажившей раной и съ цѣлымъ осколкомъ шрапнели въ животѣ, а подполковникъ (одинъ изъ двухъ легко раненыхъ, лежавшихъ въ нашей палатѣ) Гри—фъ остался лежать, ожидая, когда извлекутъ пулю изъ его ноги... Рана у него совсѣмъ зажила и пуля нисколько его не беспокоила, ее даже нельзя было найти—обыкновенное явленіе: если рана чистая, пуля, застрявъ гдѣ-либо въ ткани, обростаетъ клѣтчаткой и, заключенная такимъ образомъ какъ бы въ мѣшочекъ, можетъ по законамъ мудрой природы, оставаться въ тѣлѣ хоть вѣчно, безъ всякаго вреда для организма. Но подполковникъ, желая, чтобы пулю непременно извлекли въ госпиталѣ, лежалъ и ждалъ когда придетъ выписанный рентгеновскій кабинетъ, чтобы при помощи рентгеновскихъ лучей найти пулю... Кабинетъ прибылъ, но, по обычной русской халатности, въ аппаратъ не оказалось какого-то винтика, безъ котораго нельзя было работать; заказать тоже нельзя—некому: мастеровъ, специалистовъ по изготовленію такихъ вин-

тиковъ, въ Харбинѣ не было. Послали за винтикомъ въ Россію, а подполковникъ все лежалъ и ждалъ, пока не дождался того, чего собственно ждалъ, т.-е. дождался, что его самого, наконецъ, отправили въ Россію для извлеченія пульки. Такихъ господъ, какъ этотъ подполковникъ, было мало; но такъ какъ къ сожалѣнію они все-таки были, ихъ замалчивать не слѣдуетъ ради контраста, безъ котораго не можетъ быть соблюдена художественная правда картины подвиговъ и подвижнической жизни на войнѣ громаднаго большинства вѣрныхъ долгу чести офицеровъ; не слѣдуетъ замалчивать проявленія трусости и эгоизма также ради моральной цѣли: дурной примѣръ заразителенъ. Кромѣ того, не говоря уже о „тыловыхъ“ ¹⁾ офицерахъ, разные эвакуированные съ легкими ранами и просто симулянты, пролежавъ большую часть войны въ лазаретахъ, возвраща-

¹⁾ Кстати, нѣсколько словъ о «тыловыхъ». Въ мирно время они обыкновенно на лучшемъ счету у начальства. Увлеченное мирными подвигами иного изъ нихъ, начальство любитъ говорить про такого: «Не человекъ, а капитанъ». Прибывъ на войну въ качествѣ начальника транспорта, коменданта желѣзнодорожной станціи, начальника госпиталя или санитарнаго поѣзда или лучше всего интенданта, т.-е. занявъ тыловую по-

ются по окончаніи ея въ строй съ сохранившимся здоровьемъ и даже украшенные орденами съ мечами и бантомъ. Такіе скоро входятъ въ милость командировъ, особенно не боевыхъ, не нюхавшихъ боевого пороха. Не боевой командиръ всегда болѣе или менѣе ревниво относится къ боевой славѣ своихъ подчиненныхъ, которые нерѣдко изранены, съ надорванными войною нервами и повышеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства, какъ слѣдствіемъ сознанія честно исполненнаго долга, и потому требуютъ болѣе бережнаго обращенія съ ними и не прочь порою дать въ корректной формѣ сдачи командиру, когда онъ очень ужъ авторитетно основываясь „на опытѣ войны“, начинаетъ учить ихъ... Все это, разумѣется, вноситъ раздраженіе во взаимныя отношенія. У командира является желаніе дисциплинировать своихъ боевыхъ подчиненныхъ, возникаетъ глухая борьба, во время которой онъ опирается на

зицію, съ большимъ окладомъ жалованья (получаютъ гораздо больше строевыхъ), такой капитанъ даетъ время отъ времени выходъ и своимъ боевымъ наклонностямъ. Происходитъ это обыкновенно гдѣ-либо въ ресторанѣ. Окруживъ себя батареями бутылокъ, герой тыла, бія себя въ грудь, патетически громко восклицаетъ: «Умремъ, но не посраимъ земли русской...».

податливыхъ офицеровъ, каковыми обыкновенно являются господа, отдавашіе на войнѣ предпочтеніе тылу передъ боевыми позиціями. Отлежавшись въ лазаретахъ, бодрые, жизнерадостные и съ боевыми орденами, они ретиво берутся за службу; новое, не боевое начальство, давая блестящія аттестаціи, продвигаетъ ихъ впередъ. Такимъ образомъ, бывшіе „последними“ на войнѣ, становятся „первыми“ въ мирное время. Такихъ примѣровъ—сколько угодно. Вотъ почему имена этихъ господъ надо пригваживать къ позорному столбу, дабы въ послѣдующія войны другимъ неповадно было.

Такъ, на примѣръ, въ одномъ изъ понесшихъ страшныя потери офицерами и нижними чинами и покрывшихъ себя славою сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ былъ капитанъ Добр—анскій, молодецъ собою и собственнo не трусь, а только человѣкъ обремененный многочисленной семьей и Чичиковъ по натурѣ. Получивъ въ первомъ же дѣлѣ двѣ легкихъ раны, какія обыкновенно затягиваются черезъ двѣ-три недѣли, послѣ чего порядочные офицеры спѣшатъ возвратиться въ строй, капитанъ Добр—анскій пролежалъ съ ними въ лазаретѣ полгода и потомъ

еще цѣлый годъ болѣлъ ишіасомъ, т.-е. про-
валялся въ лазаретѣ всю кампанію. За всѣ
эти свои дѣянія онъ ухитрился получить два
боевыхъ ордена и чинъ подполковника за
боевое отличіе, а затѣмъ въ мирное уже
время чинъ полковника, тоже за отличіе,
тогда какъ упомянутый мною шт.-капитанъ
Карселадзе только въ этомъ (1913) году
получилъ чинъ капитана. Но къ чести рус-
ской арміи долженъ оговориться, что подоб-
ныхъ Добр—анскому офицеровъ, которые
съ легкими ранами подолгу валялись бы по
госпиталямъ или стремились бы эвакуиро-
ваться подальше отъ театра войны—мень-
шинство; напротивъ, очень многіе, будучи
нѣсколько разъ ранеными, каждый разъ по-
слѣ излѣченія возвращались немедленно въ
свою часть. Немало было и такихъ офице-
ровъ, которые, получивъ легкую сравнитель-
но рану и перевязавъ ее при помощи ротнаго
фельдшера, оставались въ строю, не заходя
даже на перевязочный пунктъ, а другіе и съ тя-
желыми ранами продолжали командовать, по-
ка не теряли сознанія. Такъ, напримѣръ, на-
чальникъ 1-й сибирской стрѣлковой дивизіи
генералъ Гернгроссъ, будучи раненъ 1 іюня
1904 г. подъ Вафангоу довольно серьезно

въ щеку, остался въ строю ¹⁾. Тамъ же раненый, также серьезно, пулей въ ногу, командиръ 1-го баталіона 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка подполковникъ Котюжинскій, тоже не покинулъ строя, несмотря на то, что начальникъ дивизіи самъ предлагалъ ему отправиться на перевязочный пунктъ. Перевязавшись у ротнаго фельдшера, онъ потомъ чуть ли не собственноручно выковырялъ изъ ноги пулю и такъ-таки не легъ въ лазаретъ. Подъ Ляояномъ, временно командуя 4-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ, подполковникъ Котюжинскій былъ снова раненъ. Пуля пробила ему пальцы въ ногѣ; ходить онъ не могъ, но, не желая оставлять въ критическій моментъ поле сраженія, сѣлъ на лошадь и, положивъ на сѣдло раненую ногу, ѣздилъ такимъ образомъ съ сапогомъ наполненнымъ кровью цѣлый день, командуя и распоряжаясь, пока не окончилось сраженіе. Только послѣ этого уѣхалъ на перевязочный пунктъ, откуда его, какъ тяжело раненаго, немедленно отправили въ Харбинъ въ лазаретъ. Оправившись, Е. Я. Котюжинскій по-

¹⁾ См. книгу: «И. Е. Ивановъ. Военно-походныя впечатлѣнія», изданіе 2-е.

спѣшилъ вернуться на позицію. Передъ отъѣздомъ онъ навѣстилъ меня, порадовавъ извѣстіемъ, что я представленъ за отличіе въ подполковники. Вскорѣ меня навѣстили и другіе офицеры нашего полка, выздоровѣвшіе отъ ранъ и возвращавшіеся въ полкъ: шт.-капитаны Абрамовъ, Мыловъ, Гогіевъ, а также мой баталіонный адъютантъ поручикъ Николевъ. Онъ не былъ раненъ, но жестоко простудившись послѣ Ляоянскаго сраженія, принужденъ былъ недѣли три полѣчиться въ лазаретѣ. Я былъ радъ видѣть ихъ живыми и здоровыми. Абрамова въ послѣдній разъ я видѣлъ подъ Ляояномъ днемъ 17-го августа, когда его, прострѣленного и опустившагося какъ мѣшокъ, тащили на полотнищахъ палатки солдаты. А съ Мыловымъ послѣдній разъ мы видѣлись рано утромъ 18-го августа подъ Ляояномъ же, когда онъ, получая отъ меня приказанія, былъ раненъ въ ногу... Спустя же часъ Николевъ перевязывалъ уже мою раздробленную руку... „Наша гвардія“,—говорили раненые, любуясь этими молодыми, жизнерадостными, съ иголочками одѣтыми офицерами, съ вензелемъ „Н“ на погонахъ ¹⁾. „Богъ знаетъ, увижусь ли я

¹⁾ Государь—шефъ 1-го Сибирскаго стрѣлковаго полка.

еще разъ съ вами“,—съ грустью думалъ я, глядя на оживленныя лица моихъ дорогихъ боевыхъ товарищей, отправлявшихся навстрѣчу новымъ ранамъ, а можетъ быть и смерти. Николева я попросилъ прислать ко мнѣ сюда въ лазаретъ моего постоянного вѣстового Чумака, безъ котораго мнѣ трудно было обойтись: безъ посторонней помощи я буквально не могъ пошевелиться; санитаръ же былъ на всю палату одинъ; хорошо еще, что нѣкоторые раненые офицеры сразу привезли съ собою вѣстовыхъ,—они и другимъ помогали.

День въ палатѣ.

День въ палатѣ начинался измѣреніемъ температуры раненыхъ, часовъ въ семь утра. Сестра раздавала термометры, раненые клали ихъ подъ мышку и держали такъ минутъ десять. Потомъ сестра записывала температуру въ листокъ, отдѣльный для каждого раненаго. Если температура была около 37, то опасеній не вызывала, если же она поднималась до 37,5 или выше, то это означало „нагноеніе“ и раненому предстояла болѣе или менѣе мучительная перевязка съ изслѣдованіемъ раны, а можетъ быть даже небольшая подъ кокаиномъ операція вскрытія гнойника или „проведенія“ каналовъ для истеченія гноя... Поэтому раненые съ интересомъ наблюдали показанія термометра. Послѣ чая, часовъ въ девять, приходилъ палатный ординаторъ В. И. Смирновъ; опросивъ раненыхъ, сестру, и свѣрившись съ температурными листками, онъ назначалъ, кому должна быть перевязка. При нормальномъ теченіи раны перевязки дѣлались черезъ день, черезъ два, иногда

даже и рѣже; но если свойства раны и температура требовали этого, то каждый день. Въ часъ дня обѣдали. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, по праздникамъ давалось еще третье—сладкое, большею частью клюквенный кисель, потому что какая-то московская фирма пожертвовала лазарету очень много клюквеннаго экстракта. Вообще столъ былъ однообразенъ, и по качеству могъ быть названъ только удовлетворительнымъ. Въ четыре часа пополудни—вечерній чай, потомъ вечернее измѣреніе и запись температуры и, наконецъ, въ семь час. вечера—ужинъ. Тѣмъ раненымъ, у которыхъ замѣчалась особенно повышенная температура и слѣдовательно могла явиться на утро необходимость чистки или изслѣдованія раны (т.-е. небольшой операціи), или которымъ уже была рѣшена настоящая операція,—предлагалось не ѣсть. Часу въ 10-мъ вечера въ палатѣ затихало; изрѣдка только слышались стоны и бредъ раненыхъ; ночью физическая природа брала свое. Днемъ же у раненыхъ (говорю про первый періодъ времени послѣ раненія) самочувствіе вообще было хорошее, и наша палата по настроенію въ ней лежавшихъ не походила на больничную. У больныхъ, особенно тяжелыхъ, психика обыкновенно по-

давленная, у большинства раненыхъ—наоборотъ, хорошее настроеніе, что по моему мнѣнію происходитъ, во-первыхъ, потому, что у многихъ раненыхъ общее состояніе здоровья, не подорванное какой-либо изнурительной болѣзнью, бываетъ вначалѣ удовлетворительное и даже хорошее; во-вторыхъ, попавъ въ лазаретъ, въ комфортабельную обстановку, раненые отдыхаютъ послѣ мытарствъ походно-боевой жизни, когда они къ тому же ежечасно подвергались опасности быть убитыми. Имѣетъ тутъ также значеніе сознанія честно исполненнаго долга. Все это бодритъ и приподнимаетъ настроеніе раненыхъ. Нерѣдко вскорѣ послѣ перевязки, когда еще не унялась вызванная ею въ ранѣ боль, смотришь—раненый офицеръ рассказываетъ какой-либо веселый анекдотъ или остритъ. „Ну, что вы говорите: положимъ животъ за отечество? Что вы можете положить? Нечего вамъ положить... Вотъ, у меня дѣйствительно есть, что положить за отечество“,—говорить бывало, похлопывая себя по большому, не по чину, животу, молодой, полный шт.-капитанъ съ прострѣленной шеей, въ ожиданіи госпитальнаго обѣда закусывая послѣ двухъ-трехъ пропущенныхъ предварительно рюмочекъ принесенными изъ кондитерской пирожками...

Разговоры вертятся больше около повседневной госпитальной жизни. О своих боевых дѣйствіяхъ раненые говорятъ рѣдко, отчасти изъ скромности, отчасти потому, что трудно заинтересовать слушателей рассказомъ о томъ, что они болѣе или менѣе сами испытали и почувствовали на себѣ... Къ тому же, въ глазахъ каждаго раненаго, какъ его собственныя дѣйствія, такъ и дѣйствія другихъ офицеровъ на войнѣ кажутся самымъ простымъ, естественнымъ исполненіемъ обязанностей службы, ничего особеннаго, героическаго въ себѣ не заключающимъ. „Начали наступать перебѣжками... Тутъ меня ранили“... Что же необыкновеннаго. Всѣ наступаютъ перебѣжками и всѣ могутъ быть ранены. „Сидѣли въ окопѣ, разорвалась надъ нами шрапнель и меняхватило осколкомъ“... Тоже очень просто, понятно—всякій сидящій въ окопѣ можетъ быть раненъ осколкомъ шрапнели, точно такъ же, какъ артиллеристъ, стрѣляющій изъ орудія въ непріятеля, который отстоитъ отъ него на пять, на семь верстъ, можетъ въ свою очередь получить оттуда шимозу или гранату, отъ которой ему не поздоровится... Все явленія обыкновенныя, всѣмъ извѣстныя,—что же о нихъ рассказывать! Послѣ уже,

спустя много времени, поступки нѣкоторыхъ начинаютъ называть подвигами, а совершившихъ ихъ—героями... Кстати, нѣсколько словъ о героизмѣ или, вѣрнѣе, героическомъ началѣ, безъ котораго нѣтъ подвига, а безъ подвига—нѣтъ побѣды. Не говоря уже объ исключительно одаренныхъ героическихъ натурахъ, героическое начало присуще вообще очень многимъ людямъ; военнымъ же на войнѣ, въ частности офицерамъ ¹⁾, представляется только больше возможности проявить это начало, но и для нихъ необходима

¹⁾ То же самое можно сказать и про нижнихъ чиновъ, да вообще и про большинство людей извѣстной расы, націи; но у не-военныхъ героическому началу еще труднѣе обнаружиться. У нижнихъ же чиновъ на войнѣ, особенно въ началѣ ея, другая сравнительно съ офицерами психологія, именно психологія толпы, влиянію которой офицеръ подверженъ менѣе, какъ болѣе подготовленный воспитаніемъ къ опасности. Офицеръ иногда и бѣжитъ назадъ вмѣстѣ съ объята паникой толпой солдатъ, то большею частью дѣлаетъ это потому, что иначе поступить нельзя. Про Суворова рассказываютъ, что и онъ какъ-то вынужденъ былъ бѣжать назадъ со своими чудо-богатырями; стараясь ихъ обогнать, герой кричалъ: «такъ, такъ, заманивай! заманивай ихъ, ребята!..»—«Заманивай ихъ самъ, старый чортъ!»—отвѣчали солдаты въ данный моментъ; но когда влияние стаднаго начала проходило—они шли за нимъ снова на смерть...

соотвѣтствующая благопріятная обстановка, иными словами, необходима удача попасть въ такое положеніе, въ которомъ возможно было бы видимымъ для другихъ образомъ проявить геройство. Извѣстный толстовскій капитанъ Тушинъ изъ романа „Война и миръ“ совершилъ свой подвигъ только тогда, когда попалъ въ благопріятную для этого обстановку, т.-е. когда онъ со своей батареей остался одинъ передъ непріателемъ (о чемъ, впрочемъ, онъ не зналъ), когда наши войска справа и слѣва отъ него отступали, капитанъ Тушинъ продолжалъ перестрѣливаться съ непріятельскими батареями и время отъ времени отбивалъ картечью непріятельскія колонны, стремившіяся со штыками на перевѣсъ на его батарею. Понятно, капитанъ Тушинъ продѣлывалъ бы то же самое, т.-е. такъ же перестрѣливался, отбивалъ картечью и подвергался бы опасности, если бы другія части нашихъ войскъ не отступили, но тогда его не называли бы героемъ...

Одинъ изъ представителей типа Тушиныхъ лежалъ ²⁾ со мной въ Дворянскомъ

²⁾ У него былъ пробить какой-то суставъ въ рукѣ и она висѣла какъ плеть.

госпиталѣ, фамилію его, къ сожалѣнію, не помню. Поручикомъ онъ вышелъ въ запасъ, прослужилъ 10 лѣтъ въ акцизномъ вѣдомствѣ и, когда началась война, былъ призванъ изъ запаса и зачисленъ въ одинъ изъ сибирскихъ пѣхотныхъ полковъ, сформированныхъ изъ запасныхъ солдатъ. Подъ Ляояномъ ихъ, какъ менѣе надежныхъ, посадили по редутамъ, — изъ исторіи еще извѣстно, что русскіе за валами упорно обороняются... Сидятъ себѣ сибирскіе мужички за валами въ редутѣ; сидятъ день, другой, третій... Глушатъ ихъ шимозы, рвется надъ ними шрапнель, ранить, нѣкоторыхъ и убиваетъ... Живые продолжаютъ сидѣть... Японцы все ближе и ближе; прорвали передовую линію и приближаются къ редутамъ; кучи мертвыхъ тѣлъ ихъ остались у перерѣзанныхъ ими проволочныхъ загражденій; своими трупами завалили они волчьи ямы, но оставшіеся въ живыхъ все ползутъ впередъ, головы нельзя высунуть изъ редута, — сейчасъ убьютъ или ранятъ... Въ одномъ изъ редутовъ, за выbytіемъ изъ строя убитыми и ранеными другихъ офицеровъ, старшимъ оказался именно этотъ бывшій акцизный чиновникъ, престарѣлый поручикъ. Онъ принялъ командованіе надъ находившимися въ редутѣ тремя ротами и зал-

нами билъ японцевъ, когда они преодсѣ-
вали препятствія, проволочныя загражденія,
волчьи ямы... „Но потомъ уже не было воз-
можности стрѣлять, — рассказывалъ онъ, —
только что я скомандую: „прямо по непріа-
телю“, а солдатики, взявшись за ружья, вы-
сунуть головы изъ-за бруствера, какъ мгно-
венно нѣсколько человѣкъ валится назадъ
съ пробитыми головами... Японцы — тутъ,
прямо передъ нами, совсѣмъ близко... Тогда
я придумалъ такую хитрость: по моему при-
казанію, люди всѣ разомъ вдругъ поднимали
изъ-за бруствера на штыкахъ фуражки;
японцы такъ и осыпая ихъ пулями, какъ
горохомъ; сорвавъ японскіе выстрѣлы, мы
живо даемъ залпъ, другой, третій... и въ
окопъ! Разъ десять такъ удалось; всѣхъ
японцевъ перебили, которые изъ волчьихъ
ямъ лѣзли уже къ намъ.. Тогда они стали
приспособливать ямы къ оборонѣ, ходы про-
рѣзали между ними и сидѣли тамъ какъ въ
траншеяхъ, перестрѣливаясь съ нами... Когда
я, высунувшись изъ-за бруствера, разгляды-
валъ ихъ, ранили меня; притащили на пере-
вязочный пунктъ, дрожу, зубъ на зубъ не
попадаетъ: холодно, больно, цѣлый день
ничего не ѣлъ... Увидѣлъ меня Зарубаевъ
(корпусный командиръ). „Ну, поздра-

вляю, — говорить, — вы молодцомъ держались, поручикъ! Представлены къ Георгіевскому кресту... Вы семейный? Ну, ничего, не безпокойтесь; о васъ и о семьѣ теперь будетъ заботиться георгіевская дума“...

Такимъ образомъ, только на перевязочномъ пунктѣ, изъ устъ командира корпуса поручикъ узналъ, что онъ совершилъ „нѣчто“ геройское, хотя по тону разсказа его можно было судить, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ видѣлъ самое обыкновенное исполненіе обязанностей на войнѣ, а не „подвигъ“. А вотъ другой примѣръ: офицеру хотя и представлялась возможность сдѣлаться героемъ, но онъ не смогъ. Говорю объ общеизвѣстномъ фактѣ гибели трехъ батарей и командира этого дивизіона—полковника Смоленскаго. По словамъ раненаго тамъ же офицера, дѣло было ночью... Толпы солдатъ отступавшаго и потерявшаго направление полка хлынули на стоявшія въ окопахъ наши батареи... Непосредственно за отступавшими наступали бѣгомъ японцы. „Японцы близко! Японцы! Прикажете стрѣлять!“—докладывали офицеры и кричали нѣкоторые изъ прислуги ¹⁾. Видно было, какъ

¹⁾ Солдаты, стрѣляющіе изъ орудія, на военномъ языкѣ называются прислугой.

темныя фигуры людей перелѣзали черезъ брустверь, но наши то были или японцы—въ темнотѣ нельзя было разобрать, и изъ чувства жалости или изъ страха отвѣтственности, боясь перестрѣлять своихъ, командиръ дивизіона подполковникъ Смоленскій колебался отдать приказаніе открыть огонь... Когда же послѣ короткой рукопашной схватки русскія орудія очутились въ японскихъ рукахъ, онъ выхватилъ револьверъ и пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Застрѣлиться хватило духа, а хватить картечью по своимъ и японцамъ, чтобы не допустить послѣднихъ на батареи и тѣмъ быть можетъ спасти цѣлый отрядъ отъ пораженія, у него не достало рѣшимости и, добавлю, жестокости. Не только для героя, но для всякаго военнначальника--жестокость необходимое качество.

На войнѣ нѣтъ мѣста сентиментальности или неумѣстной жалости. Тѣмъ болѣе не должна она была имѣть мѣста при данныхъ обстоятельствахъ! Бѣглецы, вопреки правилъ, не обходили батарей, а лѣзли прямо на нихъ, наводя непріятеля и препятствуя стрѣлять своимъ, слѣдовательно вполнѣ заслуживали хорошій залпъ картечи ¹⁾... На

¹⁾ Японцы подъ Артуромъ разстрѣливали цѣлыя полки своихъ, когда тѣ отступали безъ приказанія...

войнѣ начальникамъ вообще и особенно героямъ бываетъ порою необходимо имѣть силу подавить въ себѣ какъ чувство жалости, такъ и чувство страха отвѣтственности передъ начальствомъ. Суворовъ для взятія Измаила составилъ между прочимъ и послалъ на штурмъ цѣлую колонну изъ донскихъ казаковъ, вооруженныхъ однѣми только укороченными пиками. Всѣ казаки погибли подъ ударами ятагановъ турокъ... И Суворовъ, разумѣется, зналъ, что вооруженные пиками (въ сущности палками) казаки должны были такимъ образомъ погибнуть; однако онъ, не жалѣя, обрекъ ихъ на вѣрную смерть, чтобы пожертвовавъ частнымъ, достигнуть успѣха въ общемъ. Казаки погибли костью всѣ, но они выполнили свое назначеніе, оттянувъ на себя силы турокъ съ другихъ болѣе важныхъ фронтовъ. Не жалѣя казаковъ, Суворовъ не побоялся и отвѣтственности передъ своимъ начальникомъ, знаменитымъ любимцемъ Екатерины, Потемкинымъ¹⁾, вопреки категорическаго при-

¹⁾ Потемкинъ категорически запретилъ Суворову штурмовать Измаилъ, опасаясь большихъ потерь, которыя неизбѣжно должны были понести войска при штурмѣ такой сильной, защищаемой многочисленнымъ и храбрымъ гарнизономъ, крѣпости.

казанія котораго онъ взялъ Измаиль. Потомкинъ подалъ рапортъ Императрицѣ, прося о преданіи суду Суворова за ослушаніе. На этомъ рапортѣ Екатерина положила свою знаменитую резолюцію: „Побѣдителя не судятъ“, которая должна быть однимъ изъ боевыхъ лозунговъ для военныхъ.

Разсказанный случай безпорядочнаго отступленія цѣлаго полка и гибели дивизіона подполковника Смоленскаго былъ пока, слава Богу, единичный. На основаніи же другихъ разсказовъ можно было судить, что хотя японцамъ и отдавали должное, но на нихъ не смотрѣли, какъ на непреоборимыхъ враговъ. „Японцы идутъ впередъ не потому, что имѣютъ успѣхъ, а потому, что мы въ ожиданіи подкрѣпленій, отступаемъ“, — такъ каждый объяснялъ себѣ въ то время положеніе вещей на театрѣ войны.

Изъ ряда вонъ выходящія отвага и мужество японцевъ проявились пока лишь только въ дерзкомъ проникновеніи ¹⁾ съ ихъ

¹⁾ Нѣсколько случаевъ изумительнаго самоотверженія со стороны японскихъ офицеровъ, проникавшихъ среди бѣлаго дня въ расположеніе нашихъ войскъ, приведены въ моей книгѣ: «И. Е. Ивановъ. Военно-походныя впечатлѣнія. Отъ Владивостока до Вафангоу и отъ Вафангоу до Ляояна». Изданіе 2-е.

стороны отдѣльныхъ личностей въ расположеніе нашихъ войскъ съ цѣлью развѣдки, или даже для того, чтобы вызвать замѣшательство въ рядахъ сражающихся. Офицеръ-очевидецъ рассказывалъ, какъ въ самый разгаръ боя, по фронту русскихъ позицій скакалъ забайкальскій казакъ и кричалъ: „Приказано отступать! Приказано отступать! Японцы обходятъ, отступайте!“... Подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ часть ротъ прибывшаго изъ Европейской Россіи полка подавалась, было, уже назадъ; къ счастью, командиръ сосѣдняго сибирскаго стрѣлковаго полка нарочно громко закричалъ казаку: „Эй, ты! Что ты тамъ врешь! Подъѣзжай сюда и доложи: кто приказалъ отступать?“; но казакъ, вмѣсто того, чтобы подъѣхать, нахлесталъ коня нагайкой и ускакалъ... Такъ какъ среди забайкальскихъ казаковъ служить много бурятъ, которые, какъ извѣстно, происходятъ отъ одного корня съ японцами и лицомъ очень похожи на нихъ, то очень возможно, что кричавшій объ отступленіи казакъ былъ переодѣтый японецъ.

Другой офицеръ былъ свидѣтелемъ такого случая. Во время боя его полкъ, находясь въ корпусномъ резервѣ, расположился въ углубленіи за сопкой, которая,

прикрывая отъ взоровъ, не прикрывала отъ выстрѣловъ непріятеля. Перекидной стрѣльбой сюда можно было попасть; но японцы не могли видѣть, хотя и предполагали наличие резервовъ въ этой части поля сраженія... Поэтому японская артиллерія „нащупывала ихъ“, посылала сюда время отъ времени снаряды, не причинявшіе, впрочемъ, особеннаго вреда русскимъ. Прошло такъ часа три, какъ неожиданно среди военныхъ появилась штатская фигура телеграфнаго чиновника съ ближайшей, по его словамъ, желѣзнодорожной станціи. Хотя и съ монгольскимъ лицомъ, но какъ прекрасно говорящій по-русски ¹⁾, чиновникъ ни въ комъ

¹⁾ Шпіонство японцамъ удавалось (да и въ настоящее время, конечно, удастся) потому, что среди нихъ очень много образованныхъ людей, прекрасно говорящихъ, читающихъ и пишущихъ по-русски, чего нельзя сказать про насъ, даже и теперь, спустя десять лѣтъ послѣ войны. Военное вѣдомство въ отношеніи изученія офицерами восточныхъ языковъ—китайскаго, японскаго и корейскаго—дѣлаетъ то шагъ впередъ, то два назадъ. Такъ, офицеры были допущены въ Восточный институтъ во Владивостокъ къ прохожденію курса наравнѣ со студентами, откуда они выходили хорошо подготовленными теоретически и отчасти практически по языкамъ. Для дальнѣйшаго практическаго изученія того или другаго языка ихъ необходимо было

не возбудилъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Такія монгольскія лица среди чиновниковъ и даже офицеровъ на Дальнемъ Востокѣ не рѣдкость. Чиновникъ явился, какъ по крайней мѣрѣ объяснилъ онъ, изъ любопытства, чтобы узнать, какъ идутъ дѣла, да кстати притащилъ цѣлую кипу старыхъ газетъ для чтенія отъ скуки офицерамъ, которые въ благодарность за это угостили его чѣмъ Богъ послалъ. Поболтавъ съ полчаса, чиновникъ ушелъ, а еще черезъ полчаса полкъ былъ оглушенъ шимозами и засыпанъ шрапнелью... Не былъ ли это тотъ самый чиновникъ, который навѣщалъ лежавшаго со мной

командировать въ соотвѣтствующую страну; но вмѣсто того, чтобы командировать именно этихъ, окончившихъ полный курсъ Восточнаго института офицеровъ, военное вѣдомство, прекративъ слушаніе офицерами полнаго курса, командируетъ теперь за границу офицеровъ, прослушавшихъ 8-мѣсячный курсъ теоретической подготовки въ институтѣ, т.-е. совсѣмъ почти неподготовленныхъ, потому что, въ виду крайне сложной конструкціи формъ, напр., японскаго книжнаго языка, состоящаго къ тому же на три четверти изъ китайскихъ словъ и оборотовъ, для мало-мальски сноснаго усвоенія его необходимы годы, а не мѣсяцы... Кончившіе же полный курсъ института въ числѣ 100 слишкомъ человекъ маршируютъ теперь въ полкахъ на пользу отечества, забывая изученные ими въ институтѣ языки...

въ вагонѣ раненаго японца, когда меня везли изъ Ляояна въ Харбинъ?

Отдавая должное японцамъ, повторяю, — въ нашей арміи въ этотъ періодъ кампаніи, несмотря на отступленіе изъ Ляояна и на крупную неудачу подъ Шахэ, вѣрили еще въ успѣшное окончаніе войны и въ своего главнокомандующаго — генерала Куропаткина. Неудачи объясняли нашей малочисленностью. Надѣялись, что съ прибытіемъ подкрѣпленій дѣла наши примутъ иной, лучший оборотъ.

Со мной вмѣстѣ лежали офицеры разныхъ частей войскъ, разныхъ родовъ оружія, слѣдовательно, по ихъ сужденіямъ и словамъ можно было отчасти судить о настроеніи и мнѣніи арміи. Изъ 50-ти слишкомъ перебывавшихъ въ палатѣ за мое время раненыхъ (одни выписывались, другихъ привозили) только голоса двухъ звучали диссонансомъ среди общаго хора увѣренныхъ въ нашей побѣдѣ надъ японцами. Одинъ принадлежалъ прапорщику запаса Н. М. Сѣркову ¹⁾. Разочаровавшись въ нашихъ воин-

¹⁾ Замѣчательная личность. Поступивъ послѣ войны въ Московскій университетъ и успѣшно окончивъ его по медицинскому факультету, Н. М. Сѣрковъ за-

скихъ порядкахъ, онъ не вѣрилъ въ успѣхъ войны, хотя въ бою держалъ себя молодцомъ и даже послѣ, когда представился случай, выказалъ незаурядное для прапорщика запаса мужество и инициативу. Раненъ онъ былъ очень тяжело, почти смертельно: пуля, войдя въ животъ съ одной стороны и поранивъ кишки, вышла съ другой, пробивъ еще и руку, но онъ какимъ-то чудомъ выздоровѣлъ. Когда его эвакуировали въ Россію, то на пассажирскій поѣздъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, во время остановки гдѣ-то къ сѣверу отъ Харбина, напала многочисленная шайка хунхузовъ. Изъ офицеровъ въ поѣздѣ оказался только прапорщикъ Сѣрковъ; онъ немедленно собралъ ѣхавшихъ по разнымъ надобностямъ на поѣздѣ челоуѣкъ 40 солдатъ съ винтовками, сформировалъ изъ нихъ команду, разсыпалъ ее въ цѣпь, отдѣливъ 10 челоуѣкъ въ резервъ; открылъ огонь и началъ рѣшительное наступленіе на хунхузовъ по всѣмъ правиламъ

дался мыслью, какъ я слышалъ, установить у насъ на научномъ основаніи лѣченіе по способамъ гомеопатіи. Съ цѣлью пополнить свѣдѣнія по гомеопатіи, онъ ѣхалъ въ Америку, въ Чикаго, прослушать курсъ въ тамошнемъ университетѣ, основанномъ на средства извѣстнаго Карнеги исключительно для гомеопатовъ.

строевого устава—перебѣжками. Хунхузы, предполагая, вѣроятно, что нарвались на цѣлую часть, отступили, очистивъ путь поѣзду.

Хотя отъ природы и мужественный, Н. М. Сѣрковъ за короткій срокъ своей службы въ качествѣ прапорщика запаса не могъ, понятно, проникнуться началами, какія подобаютъ офицеру дѣйствительной службы, поэтому неудивительно, что онъ упалъ духомъ раньше времени, отчаявшись въ нашемъ успѣхѣ; но другой пессимистъ былъ въ чинѣ подполковника, именно упомянутый мною Гри—фъ, съ раной въ ногѣ, т.-е. вѣрнѣе съ маленькой японской пулькой, потому что рана давно зажила и пулька нисколько не мѣшала ему ходить. Этотъ господинъ въ молодые годы служилъ въ гвардіи, откуда его въ наказаніе ¹⁾ (но со старшинствомъ, однако, двухъ чиновъ) ²⁾ перевели въ армію. Лежа въ госпиталѣ, онъ, когда рѣчь заходила о военныхъ дѣйствіяхъ, никого и ничего не порицалъ, но его рассказы на злобу дня,

1) Тоже удивительное наказаніе! Какъ будто армія есть исправительное заведеніе для негодныхъ офицеровъ изъ гвардіи.

2) Теперь въ такихъ случаяхъ даютъ только одинъ чинъ старшинства.

опошливая высокое чувство стремленія къ подвигу, производили на меня отвратительное впечатлѣніе своей циничностью и могли, какъ исходившіе отъ штабъ-офицера, вредно вліять на неустановившееся еще міровоззрѣніе молодыхъ офицеровъ. Напримѣръ, подполковникъ Гри—фъ не разъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, какъ командиръ бригады предлагалъ ему получить Георгіевскій крестъ. „...Командиръ бригады подъѣхалъ ко мнѣ“¹⁾, — рассказывалъ Гри—фъ:—„Видите вы вонъ ту сопку — это ключъ позиціи; выбейте своимъ баталіономъ японцевъ оттуда и займите ее — получите Георгіевскій крестъ“. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство! я не изъ героевъ, отвѣтилъ я бригадному“. Генераль, повидимому, былъ начитанный въ военной исторіи и захотѣлъ сыграть подь Ермолова, который во время Бородинскаго сраженія, ведя колонну на штурмъ занятой французами батареи Раевского, бросалъ впередъ георгіевскіе кресты, и, указывая на батарею, кричалъ: „Бери, ребята—ваше!..“ Батарея была, какъ извѣстно, взята, но сопка осталась за японцами, потому что, выслу-

1) Этотъ эпизодъ имѣлъ мѣсто, кажется, въ сраженіи при Шахѣ—хорошо не помню. (И. И.).

шавъ такой откровенный отвѣтъ, генераль вмѣсто того, чтобы встать самому во главѣ баталіона и вести его на сопку, отъѣхалъ отъ своего подчиненнаго не солоно хлебавши, доказавъ этимъ справедливость пословицы: „По Сенькѣ шапка, почему-то колпакъ“.

Кромѣ подобныхъ разсказовъ, въ госпиталѣ Гри—фъ оставилъ по себѣ еще память непристойной выходкой по отношенію къ одной изъ наиболѣе симпатичныхъ и уважаемыхъ сестеръ. Въ арміи, собственно въ тылу, много говорилось о поведеніи сестеръ. Насколько правды было въ этихъ нехорошихъ слухахъ—не знаю. Изъ своего угла въ палатѣ я не могъ, разумѣется, наблюдать за частной жизнью сестеръ въ Харбинѣ, но такъ какъ дыму безъ огня не бываетъ, то весьма возможно, что въ этихъ слухахъ и могла быть извѣстная доля правды. Пословица говоритъ: „Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“, хотя она и была прикрыта „краснымъ крестомъ“,—добавлю отъ себя. Молодой, красивый, выздоравливающій герой-офицеръ съ одной стороны, и молоденькая, хорошенъкая, ухаживающая за нимъ сестра милосердія—съ другой. Что изъ этого можетъ выйти,—представляю судить читателямъ и особенно молодымъ читательни-

цамъ съ мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ... Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ! Это начало... ну, а конецъ—иногда вѣнчальный вѣнецъ; иногда, правда, случалось, обходились и безъ него... такъ, что же изъ этого?.. Если сестры прямое свое назначеніе выполняли хорошо... а что онѣ въ громадномъ большинствѣ были на высотѣ своего призванія облегчать своими трудами страданья раненыхъ, такъ это по совѣсти должны подтвердить всѣ, даже и хулители ихъ нравственности!

Что же касается сестеръ Дворянскаго госпиталя, соприкасавшихся такъ или иначе съ нашей палатой, то онѣ были въ этомъ отношеніи выше подозрѣній и пользовались вниманіемъ и благодарностью со стороны раненыхъ офицеровъ. Правда, ихъ дѣлили на простыхъ, штабныхъ и интеллигентныхъ, но говорилось это шутя, ради красиваго слова, безъ всякой задней мысли или желанія обидѣть какую-либо изъ нихъ. Подъ „простыми“ подразумѣвались державшія себя проще сестры, которыя не подходили подъ два другихъ опредѣленія; къ категоріи „штабныхъ“ относились двѣ-три, частенько игравшія въ карты часовъ до двухъ, до трехъ ночи съ уполномоченными дворянскаго об-

щества ¹⁾); и, наконецъ, „интеллигентными“ называли сестеръ собственно офицерской хирургической (нашей) палаты: г-жу Перову и Е. Ст. Осельскую, вѣроятно, потому, что обѣ онѣ были изъ „курсистокъ“; у первой имѣлось небольшое имѣньице въ Р—ской губерніи и своя горничная въ госпиталѣ; она была немолодая дѣвица. Мужъ же г-жи Осельской—докторъ—находился въ осажденномъ уже тогда Артурѣ. Е. Ст. Осельская все время рвалась на передовыя позиціи, чтобы быть поближе къ мужу; она рассчитывала, кажется, попасть въ Артуръ. Сестры Перова и Осельская поочередно днемъ ²⁾ дежурили въ нашей палатѣ, заботились, чтобы мы были умыты, одѣты, напоены и накормлены. Нѣкоторыхъ изъ насъ надѣ было буквально кормить съ руки, наприкладъ, меня, лежавшаго пластомъ три недѣли на спинѣ. Моя попытка вначалѣ бѣсть самостоятельно не увѣнчалась успѣхомъ: я разъ опрокинулъ

¹⁾ Эти уполномоченные вѣдали хозяйственными дѣлами госпиталя.

²⁾ Ночью дежурства сестеръ были общія для нашей и сосѣдней, солдатской, палаты; кромѣ того, по ночамъ дежурили такъ называемыя спеціальныя сестры: массажистка (г. Сентянина) и «перевязочная» г. (Аверкіева).

поставленную на мою грудь и никѣмъ не поддерживаемую тарелку съ горячими жирными щами, и все содержимое вылилось мнѣ за пазуху. Послѣ этого всегда уже помогала сестра; поставивъ тарелку мнѣ на грудь, она поддерживала ее, пока я ѣлъ, пользуясь здоровой правой рукой и боясь пошевелиться, потому что малѣйшее движеніе тѣла вызывало шевеленіе костей и острую боль въ раненой, лѣвой рукѣ. Какъ-то разъ сестра Осельская, накормивъ меня супомъ, пошла за вторымъ блюдомъ; когда она проходила мимо койки лежавшаго неподалеку Гри—фа, то онъ, бывши, повидимому, подвыпивши, поднявшись вдругъ и протянувъ руку такъ, что она пришлась спереди и немного ниже талии Е. Ст. Осельской, сдѣлалъ жестъ, какъ будто бы желая или не пропустить ее или схватить за „это мѣсто“... Вспыхнувшая сестра попятилась, пробормотавъ: „Что вы дѣлаете!“. Грифъ опустилъ руку, а когда она быстро прошла, сказалъ вслѣдъ: „Извините, сестра, я готовъ расцѣловать ваши ручки, да не только ручки, а все!“ Возмущенный гнусной выходкой, я громко высказалъ порицаніе. Тогда Гри—фъ напустился на меня. „Да, что вы такое? Да кто вы—капитанъ? Я давно замѣчаю“...—началь

было онъ со штабъ-офицерскими модуляціями въ голосъ... Но я рѣшительно прервалъ его, заявивъ: „Что я такое? Я—офицеръ русской арміи, и какъ таковой, прошу васъ не оскорблять сестеръ въ моемъ присутствіи“... Меня поддерживали другіе офицеры. Птица замолкла и скоро потомъ вылетѣла изъ госпиталя... Отъ волненія у меня лопнула лигатура и сдѣлалось кровотеченіе, а у сестры Осельской, когда она принесла второе блюдо, были заплаканы глаза. Вскорѣ послѣ этого офицеры въ знакъ сочувствія и признательности за ея заботы поднесли Е. Ст. подарокъ, купленный на собранныя по подпискѣ деньги.

Считаю долгомъ оговориться, что случай, подобный описанному, былъ единственный за все время моего пребыванія въ Дворянскомъ госпиталѣ, хотя раненые нерѣдко капризничали, выражая порою неудовольствіе той или другой сестрѣ; но сестры къ этимъ капризамъ, невольно иногда прорывавшимся у измученныхъ ранами людей, относились кротко и терпѣливо, помня, что носимый сестрою милосердія красный крестъ на груди есть символъ страданія и скорби. Также терпѣливо и безропотно, за полнымъ отсутствіемъ сидѣлокъ и за недостаткомъ фельд-

шеровъ съ санитарями, сестра исполняла подчасъ черную работу ихъ или становилась въ неловкое положеніе. Въ сосѣднемъ солдатскомъ отдѣленіи я не разъ наблюдалъ, когда меня носили въ перевязочную, какъ слабенькая сестра милосердія, одна-одинешенька, безъ всякой посторонней помощи возилась съ тяжело ранеными, черезъ силу стаскивая съ нихъ шинели, надѣтая на полушубки или на толстыя китайскія ватныя куртки ²⁾; разоблачивъ лежащаго безъ движенія солдатика, она снимала съ него грязное, кишашее паразитами, окровавленное бѣлье и надѣвала чистое. Случались и такія сценки. Послѣ вечерняго обхода врача, къ молодому, тяжело раненому офицеру, закрывшемуся одѣяломъ по шею, подходит молоденькая сестра и спрашиваетъ: „Какое вамъ сегодня назначеніе?“—„Мнѣ“...—мнется и ежится, чего-то сдерживаясь подпоручикъ, и вдругъ производитъ весьма недвусмысленный звукъ... Онъ и понявшая въ чемъ дѣло сестра мгновенно краснѣютъ. Сестра поспѣшно отходитъ подальше къ другому раненому, а бѣдный подпоручикъ отворачиваетъ лицо въ сторону, проклиная судь-

²⁾ За недостаткомъ полушубковъ такія куртки съ наступленіемъ холодовъ были выданы въ войска.

бу, а пуще своего лѣниваго денщика Бондаренко, который, проваландавшись гдѣ-то, поставилъ назначенную докторомъ клизму передъ самымъ обходомъ ¹⁾ сестры.

Облегчая по мѣрѣ силъ физическія страданія раненыхъ, сестры оказывали имъ помощь еще и въ другомъ отношеніи. Улучивъ свободную минутку, нѣкоторыя изъ сестеръ заходили просто поговорить, поболтать, обласкать и ободрить пріунывшаго раненаго. Повышенное настроеніе, какъ слѣдствіе боевого психоза, какое замѣчалось въ этотъ періодъ кампаніи у раненыхъ офицеровъ въ первые дни послѣ прибытія въ лазаретъ, и хорошее, несмотря на раны, расположеніе духа благодаря уютной сравнительно съ бивачной лазаретной обстановки, постепенно уступали чувству подавленности. Здоровье таяло отъ потери крови и неподвижнаго лежанія на койкахъ въ душной комнатѣ; нервы, надрывааемые постояннымъ ковыряніемъ желѣзомъ въ ранахъ во время перевязокъ, разстраивались также отъ дурныхъ вѣстей съ позицій, отъ мысли, что до выздоровленія еще далеко, а до Россіи—

¹⁾ Обходъ этотъ долженъ былъ бы дѣлать фельдшеръ.

10,000 верстъ... Гдѣ-то въ глубинѣ души, освободившейся отъ гипноза повседневныхъ служебныхъ обязанностей и отношеній, звучаль голосъ, напоминая объ общечеловѣческой жизни съ ея радостями и печалями... Хотѣлось жить, какъ всѣ... При такомъ состояніи духа раненаго, ласковое, ободряющее слово, сказанное ему съ присущей чуткой женской натурѣ сердечностью, значило для него не менѣе, чѣмъ хорошо сдѣланная перевязка. Душа также была ранена... Надорванные и буквально порванные ея струны-нервы болѣли, не давая раненому возможности вполнѣ забыться даже ночью. Мнѣ десятки разъ снился все одинъ и тотъ же страшный, тяжелый сонъ: будто около каменной низкой, темной, съ двумя проходами, арки черезъ улицу—церковь, тоже каменная, низенькая и желтая; улица узенькая, церковь—безъ придѣловъ, въ одно помѣщеніе, безъ колоннъ, такъ что всю внутренность можно было хорошо видѣть съ одного мѣста; свѣчной ящикъ находился налѣво отъ входа; я становился обыкновенно около него, но какъ попадалъ сюда—не помню. Очутившись около ящика, я старался не смотрѣть на середину церкви, гдѣ непременно стоялъ гробъ съ покойникомъ, а то и

нѣсколько сразу... Ихъ ежедневно въ опредѣленные часы всегда засвѣтло выносили изъ-подъ арки и проносили очень близко отъ меня; мое собственное положеніе въ это время было неясно: я или стоялъ около свѣчнаго ящика въ церкви, или лежалъ на своей койкѣ въ госпиталѣ—очень близко отъ церкви и могъ видѣть все тамъ происходившее, потому что стѣна въ госпиталѣ, какимъ-то чудомъ, не мѣшала мнѣ видѣть. Я съ отвращеніемъ смотрѣлъ на покойниковъ, стараясь не разглядывать ихъ лицъ, но выпуклости отъ скрещенныхъ на груди рукъ, ясно вырисовывавшіяся изъ-подъ покрововъ, привлекали мое вниманіе; мнѣ было противно, но отвернуться я не могъ. Какая-то непреодолимая сила влекла меня къ гробамъ, заставляя смотрѣть на нихъ; при этомъ изъ раны на моей рукѣ вплоть до гроба тянулся желтый шнуръ, толщиною въ палецъ, т.-е. примѣрно такой толщины, какой вкладывалась въ рану пропитанная іодоформомъ турунда... Отъ шнура отдавало такимъ-же противнымъ, какъ іодоформъ, специфическимъ запахомъ тлѣнія и ладана, свойственнымъ старымъ, долго бывшимъ въ употребленіи гробовымъ покровамъ... Похоронъ въ дѣйствительности я давно уже не видалъ, да и

въ церкви давно не былъ. Тлько разъ какъ-то по нашей просьбѣ служился въ палатѣ благодарственный молебенъ ¹⁾ Николаю Угоднику; тогда, правда, помню, бросилась мнѣ въ глаза сильно потертая парча ризы, надѣтой на тучное, дряхлое тѣло служившаго молебенъ монаха.

Мысли о смерти я старался отгонять, но понятно онѣ помимо воли приходили въ голову, направляя и фиксируя мое вниманіе въ одну точку—въ рану со вложенной въ нее турундой, пропитанной желтымъ, пахучимъ іодоформомъ, ощущенія которой во время сна, вызывая соотвѣтствующія цвѣту и запаху воспоминанія и образы, пробивались въ сновидѣнія... Когда я спалъ, духъ продолжалъ работать надъ тѣми же элементами, что и въ бодрственномъ состояніи—надъ ощущеніями и воспоминаніями, комбинируя эти элементы соотвѣтствующимъ положенію образомъ, не сдерживаемый моей волей, онъ неумолимо указывалъ мнѣ на мое дѣйствительное состояніе—на мою близость къ гробу, къ которому привязывала меня тяжелая рана...

¹⁾ Молебенъ мы служили два раза, и одинъ разъ при этомъ я, начавшій уже понемногу двигаться, ходилъ съ тарелкой, собирая деньги за требу священнику.

Порядки.

Хирургическій больной отличается отъ раненаго тѣмъ, что первому операцію дѣлаетъ по всѣмъ правиламъ науки хирургъ, стараясь при этомъ возможно меньше повредить здоровыя части тѣла; второго же оперируетъ непріятель, нисколько не думая о хирургіи и стремясь нанести оперируемому возможно больше вреда такъ, что хирургу часто приходится дополнять подобнаго рода операціи—удлинять или расширять раны или даже совсѣмъ отрѣзать попорченную руку, ногу... Общее у хирургическаго больного съ раненымъ то, что выздоровленіе обоихъ много зависитъ отъ ухода за раной послѣ операціи, который является столько же дѣломъ рукъ врача, сколько, если даже не больше, дѣломъ рукъ младшаго медицинскаго персонала: фельдшера, сестры, и въ меньшей степени сидѣлки и санитары, потому что, если недобросовѣстные или неознакомленные хорошо съ антисептикой фельдшеръ или сестра плохо прокипятятъ инструментъ

или дадутъ не-стерилизованный матеріаль (корпію, салфеточку, бинтъ) для перевязки, то можетъ возникнуть рожистое воспаленіе раны или произойти зараженіе крови, и такимъ образомъ искусство хирурга можетъ быть сведено на нѣтъ.

Приглашая популярнаго въ Москвѣ доктора-хирурга П. И. Постникова на должность старшаго врача формируемаго и отправляемаго на Дальній Востокъ госпиталя, дворянство не могло сдѣлать лучшаго выбора, потому что П. И., будучи однимъ изъ лучшихъ хирурговъ Москвы, имѣлъ къ тому же необходимый хозяйственный и организаціонный опытъ, какъ собственникъ пользующейся заслуженной извѣстностью въ Москвѣ хиругической лѣчебницы.

Талантливый, энергичный, сердечный и не безъ начальнической жилки, онъ, способствуя устройству въ Харбинѣ Дворянскаго госпиталя, вдохнулъ въ него жизнь... Многіе раненые обязаны ему, можно сказать, жизнью. Петръ Ивановичъ самъ осматривалъ каждого вновь прибывающаго въ госпиталь раненаго, производилъ всѣ операціи, и, завѣдуя лично отдѣльной палатой (изъ наиболѣе тяжело раненыхъ ¹⁾), находилъ время дѣлать слож-

¹⁾ Въ Дворянскій госпиталь, вообще, брали только тяжело раненыхъ.

ныя перевязки въ другихъ палатахъ, или, по крайней мѣрѣ, присутствовать при нихъ. Ко всему этому надо добавить, что онъ, въ качествѣ старшаго врача, долженъ былъ еще вести установленную отчетность.

Я лично обязанъ Петру Ивановичу спасеніемъ лѣвой руки: нижняя (локтевая) часть ея послѣ раненія держалась лишь на обрывкахъ сухожилія, жилахъ и нервахъ (къ счастью не порванныхъ). Кости же въ самомъ локтѣ были раздроблены вдребезги и мясо разворочено... Попади я съ такой раной къ другому хирургу—быть бы безъ руки; но П. И., не любившій ампутацій и прибѣгавшій къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ, при гангренѣ, напримѣръ, осмотрѣвъ подобную моей тяжелую рану на ногѣ или рукѣ, обыкновенно говорилъ: „Подождемъ, можетъ быть сросется...“ и сросалось, благодаря его умѣнію и искусству. Теперь я хоть и калѣка, но у меня не обрубокъ, а какая ни на есть рука, которой на половину владѣю.

Другой врачъ—палатный ординаторъ Василій Ивановичъ Смирновъ, быть можетъ и уступалъ нѣсколько въ искусствѣ П. И., но „у него легкая рука“, какъ говорили раненые. Молодой еще мужчина, полный, добродушный флегматикъ, онъ былъ полнѣйшей про-

тивоположностью кипучему, по натурѣ сангвинику, Петру Ивановичу. Больнымъ Вас. Ив. внушалъ довѣріе главнымъ образомъ своимъ ненарушимымъ спокойствіемъ. „Докторъ спокоенъ—значить опасности нѣтъ“, — разсуждали, въ свою очередь успокаиваясь, раненые, и выздоравливали благодаря искусству Петра Ив. и спокойствію Вас. Ив.

Считаю необходимымъ оговориться, что такимъ сопоставленіемъ я не имѣю намѣренія сказать, что Вас. Ив. не обладалъ искусствомъ врачеванія. Нѣтъ! я просто подчеркиваю этимъ отличительную черту характера доктора Смирнова, весьма благотворно дѣйствовавшую на состояніе духа раненыхъ и тѣмъ, несомнѣнно, способствовавшую ихъ выздоровленію.

Въ благодарность за труды, заботы и сердечное отношеніе, раненые офицеры поднесли Петру Ив. и Вас. Ив. по серебряному кубку съ вырѣзанными на нихъ благодарственными надписями и фамиліями подносявшихъ.

Общимъ сочувствіемъ, какъ хирургъ и человѣкъ, пользовался также ординаторъ со-сѣдняго солдатскаго хирургическаго отдѣленія докторъ Холинъ.

Что касается низшаго медицинскаго персонала, то о сестрахъ я уже говорилъ;

фельдшеръ же у насъ былъ одинъ на три палаты, къ тому же, помогая старшему врачу вести госпитальную переписку, онъ былъ заваленъ разными „входящими“ и „исходящими“ бумагами, поэтому рѣдко появлялся въ перевязочной на перевязкахъ; его замѣняла „перевязочная“, какъ ее называли, сестра Н. П. Аверкіева, и замѣняла съ успѣхомъ. Поддерживая порядокъ и идеальную чистоту въ своей малоприспособленной къ своему назначенію, какъ и всѣ помѣщенія госпиталя, перевязочной палатѣ, она безраздѣльно царила въ ней и священнодѣйствовала, кипятя самымъ тщательнымъ образомъ инструменты или стерилизуя необходимые для перевязки матеріалы. Милая и скромная внѣ перевязочной, она тутъ нерѣдко вступала вопреки госпитальной дисциплинѣ въ пререканія съ докторами, даже позволяла себѣ дѣлать указанія самому Петру Ивановичу... „Хирургическимъ больнымъ надо ванны“,— говорила она ему, смотря на перхоть, сыпавшуюся изъ немытыхъ головъ раненыхъ; или, обращаясь къ перевязывавшему солдата Василию Ивановичу, замѣчала: „Василій Ивановичъ! вы у офицеровъ такъ не отдираете“. Но милѣйшая Наталія Петровна ошибалась на этотъ разъ: Вас. Ив., надо отдать ему

справедливость, поступалъ вполне безпристрастно: онъ частенько-таки, ради скорости, не отмачивая, на-сухо отдиралъ присохшую къ ранамъ корпію и у офицеровъ—сужу по опыту...

Помогать поддерживать порядокъ и чистоту въ перевязочной долженъ былъ санитаръ Василій, по ремеслу плотникъ изъ костромскихъ мужичковъ; пріѣхавъ въ Харбинъ на заработки, онъ расчелъ, когда случилась война, что выгоднѣе подрядиться въ санитары въ Дворянскій госпиталь—и денегъ больше заработаешь, и харчъ лучше. Здѣсь онъ поступилъ подъ начало Н. П., доставляя ей своей особой хлопотъ и заботъ столько же, если не больше, чѣмъ вся перевязочная палата. Гдѣ-либо на стройкахъ, ворочая бревнами, съ топоромъ въ рукѣ, Василій былъ навѣрное ловокъ и поворотливъ, но здѣсь онъ казался неуклюжимъ, и, что главное, долго не могъ пріучить себя къ чистотѣ, необходимость соблюденія которой Нат. П. тщетно пыталась внушить ему; наконецъ, Василій проникся, повидимому, правилами гигиены и антисептики, о чемъ Н. П. съ чувствомъ удовлетворенія не преминула намъ сообщить; но дня черезъ три разочарованная уже жаловалась: „Представьте, мой Василій...

прихожу сегодня утромъ въ перевязочную, а онъ сидитъ передъ стерилизаторомъ ¹⁾ и сушить на немъ свои мокрыя портянки“.— „Василій, спрашиваю, что вы дѣлаете, развѣ это можно?“ а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Гдѣ же мнѣ сушить-то; въ кухнѣ не велятъ, здѣсь нельзя, а въ мокрыхъ портянкахъ ходить вредно... вы сами же говорили, что все надо просушивать...“

Несмотря на такого, можно сказать анти-санитарнаго санитаря и малоприспособленное помѣщеніе, въ которомъ ежедневно перевязывались десятки раненыхъ, за все время моего пребыванія въ госпиталѣ, т.-е. въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, не было ни одного случая рожистаго воспаленія, что въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать въ высшей степени добросовѣстному, сердечному и разумному отношенію къ своему дѣлу сестры Аверкіевой; послѣ ея ухода, при докторѣ Нехорошевѣ, рожа появилась...

Теперь я коснусь больного мѣста госпиталя—санитаровъ или, вѣрнѣе, отсутствія ихъ. Часть привезенныхъ изъ Москвы, найды

¹⁾ Аппаратъ, въ которомъ при посредствѣ горячаго пара стерилизуются (обезвреживаются) перевязочные матеріалы: корпій, бинты и проч.

лучшія мѣста въ Харбинѣ, ушли; другихъ—пришлось прогнать за пьянство; послѣдняго, Ивана, увезъ воевать, какъ уже упоминалось, шт.-капитанъ Карселадзе, а раненые, изъ коихъ половина не могла ходить, остались такимъ образомъ совершенно безъ санитаровъ; хорошо что, какъ уже замѣтилъ ранѣе, у нѣкоторыхъ офицеровъ были съ собою денщики. Потомъ пріѣхали еще, въ томъ числѣ и мой Чумакъ; они и замѣнили санитаровъ.

Такъ къ общему благополучію продолжалось бы, вѣроятно, и шло бы гладко, если бы гг. уполномоченные не имѣли обыкновенія спать долго по утрамъ; объ этомъ обстоятельствѣ мы узнали, когда разъ намъ не давали чаю до 10-ти утра, хотя обыкновенно чай подавался съ 8-ми. Спрошенная по этому поводу сестра объяснила, что чай есть и самоваръ давно готовъ, но нѣтъ сахара, т.-е. и сахаръ есть, только на дворѣ въ закупоренной бочкѣ, которую раскупорить можно лишь въ присутствіи кого-либо изъ наблюдавшихъ за хозяйствомъ уполномоченныхъ, а они спятъ еще... Кто-то надоумилъ сестру послать за сахаромъ въ бакалейную лавочку; сахаръ принесли, и раненые напились чаю съ опозданіемъ на два часа.

Уполномоченныхъ все-таки потревожили раньше времени; не проспавшись какъ слѣдуетъ, они напустились на завѣдывавшую хозяйствомъ сестру, упрекая ее въ большомъ расходѣ сахара,—бочку съ сахаромъ откупили всего два дня тому назадъ и уже сахаръ вышелъ!... Начали доискиваться причины, и тогда только обратили вниманіе, что въ госпиталѣ живетъ и питается не зачисленныхъ ни на какое, выражаясь казеннымъ языкомъ, довольствіе человѣкъ 20-ть денщиковъ. Питались они, между прочимъ, и сахаркомъ, разумѣется, очень просто: открытая полная бочка сахару въ углу; стоитъ лишь протянуть руку—какъ тутъ, спрашивается, не взять?—не надо, да возьми, а сахаръ солдату всегда пригодится: и съ чайкомъ, и съ хлѣбцемъ, и просто какъ лакомство; да, наконецъ, и продать его можно или вымѣнять въ китайской лавочкѣ на столь же пріятный для солдатскаго сердца и полезный продуктъ—табачекъ.

Началось гоненіе на денщиковъ. „Удалить ихъ,—они весь сахаръ съѣдятъ“,—рѣшили сгоряча уполномоченные, и вывѣсили въ палатѣ объявленіе, приглашавшее офицеровъ удалить находившихся при нихъ денщиковъ; офицеры, конечно, запротестовали: „Удалить!.

а кто насъ на перевязку носить будетъ?“— говорили они. Убѣждать явился М. А. Стаховичъ, третій и самый главный уполномоченный, дотолѣ витавшій съ летучимъ дворянскимъ отрядомъ гдѣ-то на передовыхъ позиціяхъ. Онъ рѣшительно объявилъ раненымъ офицерамъ, что денщики ихъ сегодня же должны быть удалены: „они весь сахаръ съѣли“,—аргументировалъ г. Стаховичъ.

„Что сахаръ!... запирайте его... А вотъ кто насъ на перевязку носить будетъ, кто будетъ водить туда, куда хоть разъ въ сутки надо сходить?.. Дайте намъ сначала санитаровъ, а потомъ уже удаляйте денщиковъ!“— не менѣе рѣшительно заявили ему офицеры со своей стороны.

„Вы вотъ говорите, что сахару много выходитъ; а мы могли бы многое сказать о здѣшнихъ порядкахъ, да не говоримъ, потому что понимаемъ *à la guerre comme à la guerre*. Мы могли бы, напримѣръ, сказать, что пища, которой насъ кормятъ, и однообразна и тяжела для людей, вынужденныхъ цѣлые мѣсяцы пребывать въ лежачемъ положеніи; во-вторыхъ, молока совсѣмъ не даютъ, а оно было бы очень полезно для улучшенія питанія... Масла къ чаю тоже не всегда даютъ,—офицеры сами покупаютъ на сторонѣ...

Ванна хотя и есть, но пользоваться ею нельзя, потому что она стоитъ въ холодной комнатѣ, да къ тому же рядомъ съ ватеръ-клозетомъ“. Короче сказать, раненые офицеры предъявили цѣлый рядъ „экономическихъ требований“, такъ что М. А. Стаховичъ былъ уже видимо и не радъ своему „выступленію“.

Сахарная кампанія закончилась компромиссомъ. Часть денщиковъ должна была ходить довольствоваться и ночевать въ комендантское управленіе, а другая, наиболѣе толковая и необходимая, осталась въ госпиталѣ на прежнемъ положеніи. Въ числѣ ихъ оказался и мой Чумакъ, при помощи котораго я началъ снова учиться ходить; буквально, Чумакъ бралъ меня сзади за шиворотъ рубашки, какъ берутъ начинающихъ ходить маленькихъ дѣтей, чтобы имъ помогать, и такъ водилъ меня взадъ и впередъ въ узкомъ проходѣ между койками; на первомъ поворотѣ, помню, повернувшись слишкомъ самостоятельно, я упалъ бы, если бы онъ не поддерживалъ,—до такой степени я былъ слабъ!

Силы восстанавливались медленно—питакромъ мяса, другіе продукты, которые могли не въ госпиталѣ было неважное; правда, бы разнообразить столъ и были бы болѣе пригодны для нашего положенія, доставать

было трудно. Напримѣръ, куры въ Манчжуріи были всѣ съѣдены русскими солдатами еще въ боксерское возстаніе, новыя же не успѣли народиться; молока китайцы не ѣдятъ и не продаютъ, считая за грѣхъ лишать его теленка. Но Дворянскій госпиталь, располагавшій большими средствами, могъ бы имѣть нѣсколько своихъ коровъ. Примѣръ былъ данъ: по распоряженію начальника тыла генерала Надарова въ Харбинъ было выписано изъ Уссурійскаго края (или изъ Забайкалья, хорошо не знаю) десятка три коровъ и сданы въ аренду одной женщинѣ; за извѣстное вознагражденіе она обязана была доставлять молоко отъ этихъ коровъ въ военные госпитали. О доставкѣ продуктовъ изъ Сибири нечего было и думать: всѣ дороги и пути были забиты двигавшимися изъ Россіи войсками и обратными поѣздами съ ранеными. Движеніе частныхъ грузовъ было такъ затруднительно и представляло столько неудобствъ, что даже такое общественное учрежденіе, какъ посланный россійскимъ дворянствомъ на войну госпиталь, принужденъ былъ, дабы расчистить себѣ путь по Кругобайкальской дорогѣ ¹⁾, прибѣгнуть къ со-

¹⁾ Кругобайкальская дорога не была еще официально открыта, но уже пропускала по нѣсколько паръ поѣздовъ...

дѣйствию рекомендательныхъ писемъ изъ Государственнаго банка... Изъ Сибири было нельзя, но изъ Уссурійскаго края вполне было возможно организовать систематическую доставку какой угодно провизіи. Осень тамъ—сытый сезонъ охоты, на рынкахъ Владивостока и Никольска-Уссурійскаго много дичи: кабанины, изюбрины, разной птицы—фазаны, такъ, дешевле куръ, изобиліе рыбы кэты (видъ лососины); она вкусна, дешева, питательна и легка для желудка.

Однимъ словомъ, все можно было бы достать, если бы гг. уполномоченные дворянствомъ были бы болѣе подвижны и не предпочитали бы сидѣть въ Харбинѣ, играя съ сестрами въ карты...

Впрочемъ, надо отдать справедливость: уполномоченные г. Давыдовъ и г. Стишинскій были всегда внимательны къ раненымъ, особенно г. Стишинскій, молодой еще тогда человѣкъ; бывало, что ни попросишь, сейчасъ же побѣжить и исполнить просьбу.

Мало-по-малу силы мои настолько окрепли, что я былъ уже въ состояніи, надѣвъ теплый халатъ, выходить на госпитальное крыльцо подышать чистымъ воздухомъ; смотрю какъ-то, сидитъ еще раненый; лицо знакомое, но припомнить не могу,—кто именно и гдѣ его видѣлъ.

„Скажите, пожалуйста, гдѣ мы встрѣчались съ вами?“ спрашиваю.

„Да, въ Ляоянѣ, на перевязочномъ пунктѣ вмѣстѣ лежали“, отвѣтилъ онъ.

„Поздравляю съ выздоровленіемъ“, говорю: „Я считалъ васъ уже на томъ свѣтѣ: вѣдь вы были такъ тяжело ранены... въ животъ; казалось, были при смерти; сестра васъ отпаивала шампанскимъ!“

„Да... но вотъ, благодаря Богу и Петру Ивановичу, какъ видите, живъ“...

Легокъ на поминѣ: подѣхалъ П. И., возвращавшійся откуда-то съ сестрами. „Что дѣлается, что дѣлается!“ заговорилъ онъ, увидѣвъ насъ: „Представьте себѣ! раненые, и все тяжелые, валяются на вокзалѣ, на полу, безъ перевязки, не накормленные, не напоенные, не перевязанные... Ужасъ! Мы, вотъ, съ сестрами ѣздили перевязывать, отвезли кое-что поѣсть и еще поѣдемъ... Но что дѣлается, что дѣлается!“

Это происходило вскорѣ послѣ боевъ на Шахэ. Всѣ госпитали въ Харбинѣ, принявъ раненыхъ вдвое-втрое противъ положеннаго, были завалены ими, а между тѣмъ, съ юга въ Харбинъ прибывали все новые и новые поѣзда съ ранеными; ихъ поскорѣе выгру-

жали, складывали гдѣ попало, лишь бы въ помѣщеніе, а поѣзда поспѣшно отправлялись за другими ранеными, которые тамъ на Шахѣ оставались въ шатрахъ или даже прямо на воздухѣ, хотя уже стоялъ конецъ октября, наступала холодная пора года въ Манчжуріи.

Распредѣлять прибывающихъ съ юга въ Харбинъ раненыхъ и больныхъ, и вообще заботиться о нихъ, пока они не поступили въ какой-либо госпиталь, должна была харбинская эвакуаціонная комиссія. Первое время, когда раненые и больные прибывали въ небольшомъ количествѣ, а наиболѣе тяжелыхъ изъ нихъ разбирали по госпиталямъ прямо съ поѣзда, остальныхъ же везли дальше въ Уссурійскій край и въ Забайкалье, то дѣло шло гладко; когда же раненыхъ повезли тысячами, ими завалили всѣ госпитали и даже вокзалъ, то тѣхъ раненыхъ, которымъ не хватило мѣста въ госпиталяхъ, растерявшаяся комиссія предоставила на волю Божію...

Въ такомъ же положеніи, въ какомъ были брошенные на произволъ судьбы раненые, валявшіеся безъ всякаго призора и пищи на вокзалѣ, находились десятки раненыхъ, попавшихъ въ баракъ эвакуаціонной комиссіи.

Привожу дословно рассказъ сестры-волонтерки г-жи Петелиной ¹⁾, состоявшей въ распоряженіи этой комиссіи.

„Прихожу я какъ-то въ комиссію, въ баракъ“,—разсказывала она.—Вижу на полу лежатъ раненые, стонуть, просятъ пить, ѣсть; у многихъ перевязки съѣхали, да и перевязаны кое-какъ. Тутъ же два комиссіонныхъ генерала, доктора, но у нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни медикаментовъ; раньше въ комиссію раненыхъ никогда не привозили, потому ничего и не приготовили. Спрашиваю: что же дѣлать! Отправимъ въ госпиталь,—отвѣчаютъ. Ждемъ часъ, другой, третій; отовсюду сообщаютъ, что мѣстъ нѣтъ; казенныхъ денегъ у генераловъ тоже нѣтъ (не выписали); время уже къ вечеру; накормить раненыхъ надо во что бы то ни стало; вынимаю изъ своего кошелька пять рублей, кладу на тарелку, подхожу съ ней къ старшему генералу и говорю: ваше высокопревосходительство! пожертвуйте на пищу раненымъ! Генераль поморщился, но положилъ 25 руб., другой далъ 10-ть, дали также доктора; собрала я рублей 60 и поскорѣе на базаръ покупать

¹⁾ Г-жа Петелина—супруга офицера пограничной стражи.

продукты, мясо. Привезли, достали изъ сарая чью-то запасную походную кухню и принялись готовить обѣдъ; хоть поздно, да накормили раненыхъ; потомъ въ этой же кухнѣ вскипятили воду и чаемъ напоили; доктора говорятъ: перевязать необходимо, у нѣкоторыхъ гангрена можетъ быть. Что дѣлать? Перевязочныхъ матеріаловъ нѣтъ; генералы исчезли; сажусь на извозчика и ѣду въ Красный Крестъ. Вхожу въ столовую, тамъ свѣтло, весело, смѣются, доктора, сестры ужинаютъ,—полонъ столъ кушанья, вина... Обращаюсь къ старшему доктору. Тотъ посылаетъ меня къ уполномоченному. Иду, показываю ему записку эвакуаціоннаго врача, въ которой онъ проситъ выдать необходимые медикаменты. „Не могу“,—отвѣчаетъ уполномоченный:—„у васъ есть предсѣдатель, пусть онъ напишетъ ассигновку, тогда выдадимъ; да сегодня все равно поздно, уже десятый часъ...“—„Какъ,—говорю,—поздно; а ранены они нѣсколько дней, безъ перевязки, да и перевязаны-то тамъ кое-какъ, привезли, бросили...“—Волнуюсь, со мной Богъ знаетъ, что дѣлается. „У васъ тутъ...“ и въ слезы... Тогда уполномоченный: „Успокойтесь, не волнуйтесь, дадимъ, что можно; только напишите ассигновку такъ: согласно словесно

полученнаго распоряженія предсѣдателя эвакуаціонной комиссіи, прошу Красный Крестъ выдать то-то и то-то“. Написала, получила и поскорѣе въ баракъ. Уже ночь, дождь, грязь, еле доѣхала. Доктора дожидаются; начали перевязку. Ужасъ! Раны загноились, отъ нихъ разить, перевязаны какими-то грязными тряпками; у одного раненаго въ ранѣ что-то копошится... смотрю—черви...

На другой день генераль получилъ изъ казначейства деньги и далъ мнѣ на расходы по довольствію, а на третій день потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ: „Вы, сестра-волонтерка, за меня ассигновки пишете! Дѣлаю вамъ замѣчаніе и прошу васъ больше этого не дѣлать!“. „Слушаю“,—говорю, — „ваше высокопревосходительство, если для раненыхъ не надо будетъ, то не буду“...—„Ну, хорошо-съ, можете итти“,—закончилъ генераль“.

Это былъ ветхій деньми генераль-отъ-инфантеріи К—ль, стоявшій во главѣ харбинской эвакуаціонной комиссіи со столь же почтеннымъ сотрудникомъ своимъ генераломъ В—мъ. Генераль К—ль, прослуживъ около 40 лѣтъ на дѣйствительной службѣ, вышелъ въ отставку и изъ отставки уже пріѣхалъ на войну заниматься эвакуаціей ра-

ненныхъ и больныхъ, но, судя по разсказу г-жи Петелиной, для нихъ было бы лучше, если бы этотъ генераль сидѣлъ дома...

Несомнѣнно, большія подъемныя и прогонныя деньги—вещь весьма привлекательная, а на жирные оклады такихъ высокихъ должностей, какъ должность предсѣдателя тыловой эвакуаціонной комиссіи, разгораются глаза и аппетиты многихъ; но это, мнѣ кажется, не можетъ еще служить основаніемъ для назначенія на эти должности.

Въ роскошномъ дворцѣ мира въ Гаагѣ засѣдаетъ созданный по инициативѣ нашего Государя третейскій судъ, принципъ котораго заключается въ уничтоженіи всѣхъ войнъ и связанныхъ съ ними страданій человѣчества. Многіе годы женевская конвенція преслѣдуетъ гуманныя цѣли защиты раненыхъ, даже отъ непріятеля... И вотъ сотни, а если же принять во вниманіе обширный театръ бывшей въ Манчжуріи войны, то можно съ увѣренностью сказать—тысячи подобранныхъ уже съ поля сраженія раненыхъ цѣлыми сутками остаются безъ всякой медицинской помощи, безъ пищи, сваленными въ кучи на холодный полъ, какъ какіе-нибудь гніющіе отбросы въ мусорной ямѣ!!..

Вопіющее нарушеніе женевской конвенціи

совершается не непріятелѣмъ, а благодаря тому, что призванному свыше заботиться о раненыхъ генералу трудно или лѣнь распорядиться и подписать своевременно требованіе на полученіе изъ казначейства ассигнованныхъ въ его распоряженіе денегъ, или написать въ Красный Крестъ просьбу о выдачѣ необходимыхъ медикаментовъ...

Мнѣ кажется, что на будущее время, во избѣжаніе подобнаго безчеловѣчія, въ тыловой комиссіи должны быть представители отъ всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ общественныхъ организацій и, прежде всего, конечно, отъ Краснаго Креста, съ энергичнымъ, снабженнымъ широкими полномочіями, предсѣдателемъ. Такая комиссія, обладая правомъ инспекціи и надзора за всѣми, какъ казенными, такъ и частными госпиталями, и вообще за всѣми учрежденіями, такъ или иначе оказывающими помощь раненымъ и больнымъ въ тылу арміи, могла бы равномернѣе распредѣлять отпускаемыя для этой цѣли средства...

Тогда не будетъ мѣста подобнымъ позорнымъ явленіямъ, какъ оставленіе цѣлыхъ сотенъ раненыхъ безъ всякой помощи. И гдѣ же? не на поляхъ сраженій, а въ самомъ

центрѣ сосредоточія главныхъ медицинскихъ силъ и среди изобилія всякихъ припасовъ медицинскихъ и иныхъ!

Несмотря на этотъ печальный, если не сказать хуже, случай, необходимо замѣтить, что, судя по рассказамъ очевидцевъ, положеніе раненыхъ въ эту войну было несравненно лучше, чѣмъ въ русско-турецкую. Раненымъ въ Манчжуріи не пришлось испытывать и сотой доли тѣхъ мученій изъ-за недостатка медицинской помощи и вообще ухода, которые принуждены были выносить раненые на Балканахъ. И ассигнованія правительства и общественныя пожертвованія на оказаніе помощи раненымъ въ русско-японскую войну были щедрѣе, и сама помощь была организована лучше, но средства распредѣлялись крайне неравномѣрно, по пословицѣ: „гдѣ было густо, гдѣ пусто, а гдѣ ничего не было“. Напримѣръ, на перевязочныхъ пунктахъ и въ лазаретахъ Краснаго Креста раненые были обставлены такъ и пользовались такой медицинской помощью, что лучшаго и желать было нельзя. Въ военныхъ полевыхъ госпиталяхъ имъ давалось только самое необходимое, а тѣ, которые имѣли несчастье попасть въ бараки тыловой эвакуаціонной комиссіи, бросались на произволъ судьбы... Въ санитар-

ныхъ поѣздахъ всѣхъ видовъ, обслуживавшихся преимущественно общинами Краснаго Креста, довольствіе, лѣченіе раненыхъ и больныхъ и уходъ за ними были почти вездѣ хороши, только въ удобствахъ была разница, и притомъ — громадная. Если роскошные именные поѣзда Высочайшихъ Особъ, на примѣръ, поѣздъ Великой Княгини Маріи Павловны, могли быть названы дворцами на колесахъ, гдѣ раненые пользовались всевозможнымъ комфортомъ, то такъ называемые „теплушечные“ по своему убожеству заслуживали названія „хижинъ на колесахъ“... едва ли предоставлявшихъ раненымъ даже минимумъ удобствъ.

Вскорѣ мнѣ представилась возможность хорошо ознакомиться со всѣми тремя видами казенныхъ санитарныхъ поѣздовъ и, прежде всего, съ „теплушечнымъ“...

Эвакуація.

(Отъ Харбина до Москвы).

Силы мои настолько возстановились, что мнѣ можно было уже двинуться въ дальній путь.

7-го ноября съ необходимыми документами и сквозной, незажившей раной, я въ сопровожденіи своего денщика явился на сборный (номеръ забылъ) санитарный поѣздъ; „сборными“ назывались такіе санитарные поѣзда, въ которыхъ раненые и больные солдатики помѣщались въ „теплушкахъ“, а офицеры—въ приспособленныхъ вагонахъ 2-го класса; приспособленіе состояло въ томъ, что верхнія мѣста-полки замѣнены были подвѣшенными койками. Обстановка мнѣ не понравилась. Старшая сестра (поѣздъ обслуживали сестры петербургской Кауфмановской общины), догадавшись должно быть по моей недовольной фізіономіи о непріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня поѣздомъ, объявила: „Если не нравится—можете не ѣхать, поѣдете на другомъ“... Но я

все-таки рѣшилъ отправиться и благополучно доѣхалъ до Иркутска. Столъ, перевязка и уходъ здѣсь были въ общемъ хорошіе. Ходить на перевязку надо было черезъ столъ нашумѣвшія въ свое время „теплушки“.

Впечатлѣніе отъ „теплушки“ у меня осталось такое. Обыкновенный товарный вагонъ, грубо приспособленный къ перевозкѣ раненыхъ; съ обоихъ концовъ вмѣсто дверей входныя отверстія, завѣшанныя кошмой и сѣрымъ солдатскимъ сукномъ; внутри темно, тепло и пахивается... Слабый свѣтъ едва пробивается сверху сквозь заиндивѣвшія маленькія оконца; посрединѣ—желѣзная печка такъ и пышетъ; на ней въ солдатскихъ чайникахъ кипятится вода для чая и, кажется, разогрѣвается пища; днемъ, когда печка постоянно топится, въ вагонѣ очень жарко; но ночью, когда дневальный солдатъ заснетъ или не запасетъ на станціи достаточно дровъ и печка потухнетъ, должно быть холодно, потому что тонкія деревянные стѣнки товарнаго вагона, хотя и обитыя изнутри войлокомъ, врядъ ли долго могутъ задерживать тепло. Полъ устланъ соломенными матами; внутри самой теплушки у стѣнки устроено въ видѣ будочки отхожее мѣсто...

Въ этомъ теплушечномъ поѣздѣ было по

крайней мѣрѣ хорошо то, что благодаря сдѣланнымъ приспособленіямъ, можно было свободно переходить изъ вагона въ вагонъ на полномъ ходу, а не такъ, какъ на другихъ подобныхъ поѣздахъ, гдѣ медицинскій персоналъ могъ попадать къ раненымъ только во время остановокъ, когда сестры принуждены были заниматься несвойственной ихъ полу и костюму гимнастикой, вскарабкиваясь на такъ высоко отстоящія отъ земли ступеньки вагона, что даже не всякій солдатъ могъ на нихъ задрать ногу...

Въ Иркутскѣ насъ пересадили въ 1-й военносанитарный поѣздъ; вагоны для этихъ поѣздовъ были изготовлены уже во время войны по специальному заказу военного ведомства и представляли изъ себя желѣзные ящики, въ которыхъ было подвѣшено на веревкахъ по 8-ми коекъ: четыре внизу и четыре надъ ними—наверху. Отопленіе было сбоку, рядомъ съ коморкой проводника, но сортиръ былъ холодный, что въ холодную пору представляло большое неудобство для раненыхъ, потому что многіе изъ-за ранъ не могли легко надѣвать на себя теплую одежду.

Къ удобствамъ надо отнести подвѣшанныя койки; онѣ при движеніи качались, чѣмъ

устранялся вредъ отъ толчковъ и тряски вагоновъ. Нижніе чины помѣщались въ такихъ же вагонахъ.

Было тепло и не дуло; здѣсь также и пища, и лѣченіе, и уходъ были хорошіе ¹⁾, (сестры были, кажется, харьковской общины); но пребываніе въ этомъ поѣздѣ было для меня мучительно какъ по своей продолжительности, такъ и по подобравшейся компаніи товарищей по-неволѣ.

1-й военно-санитарный поѣздъ тащился отъ Иркутска до Омска слишкомъ 3 недѣли: мѣшали встрѣчные воинскіе поѣзда съ разнаго рода припасами, а главное—съ войсками; ѣхали цѣлыя части: пѣхота, артиллерія, кавалерія, встрѣтились даже миноноски, переправлявшіяся во Владивостокъ; везли запасныхъ—по 40 человѣкъ въ скотскихъ вагонахъ; изъ заиндивѣвшихъ оконцевъ валилъ паръ, выглядывали кудлатыя головы оторванныхъ отъ семей сороколѣтнихъ мужиковъ; нечесанныя, немытыя, съ всклокоченными бородами, лица казались еще болѣе хмурыми въ пасмурный сибирскій день.

¹⁾ Хотя солдатики жаловались, что ихъ плохо кормятъ, потому что не даютъ котлетъ, какъ полагается въ другихъ поѣздахъ...

Видъ этихъ запасныхъ не общалъ ничего хорошаго, и событія впослѣдствіи подтвердили справедливость вызывавшейся имъ мысли, что забвеніе элементарнѣйшихъ положеній военной науки ведетъ къ величайшимъ катастрофамъ...

Запасными набивали крѣпость Владивостока, формируя изъ этого сброда новые полки ¹⁾, которые должны были оборонять этотъ, единственный на Дальнемъ Востокѣ, оплотъ Россіи. Какъ защищали бы они крѣпость,—неизвѣстно, но сейчасъ же послѣ войны среди нихъ возникли жестокіе бунты, такъ что дивизію пришлось расформировать.

Другой примѣръ преступнаго пренебреженія къ требованіямъ тактики и администраціи ²⁾, согласно которымъ резервныя части, т.-е. на $\frac{4}{5}$ состоящія изъ запасныхъ, слѣдовательно плохо сравнительно подготовленныя, ни коимъ образомъ не назначаются въ первую боевую линію, особенно при наступленіи, далъ бывший профессоръ академіи

¹⁾ Новой 40-й Восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи.

²⁾ Отрасль военной науки объ организаціи вооруженныхъ силъ государства.

генеральнаго штаба генераль Орловъ. Получивъ категорическое приказаніе подъ Ляояномъ не двигаться впередъ, а защищать своей составленной изъ резервныхъ частей дивизіей опредѣленную позицію (даже и эта задача была врядъ ли посильной для него), онъ, вопреки приказанію, повелъ дивизію въ атаку на японцевъ сквозь гаолянъ и запутался въ немъ, какъ въ лѣсу... Полки его, понеся страшныя потери, въ полномъ безпорядкѣ бѣжали назадъ... образовавъ въ линіи общаго боевого расположенія дыру, которую трудно уже было заткнуть побѣдоносными на своемъ участкѣ, но истомленными и обезсиленными трехсуточной защитой ихъ, полками 1-го сибирскаго армейскаго корпуса генерала Штакельберга. Сквозь эту дыру прорвались японцы, и сраженіе подъ Ляояномъ было проиграно, а вслѣдствіе этого, быть можетъ, была проиграна вся кампанія только потому, что высшіе начальники и профессоръ забыли то, что непростительно не знать выпускному юнкеру, т. е. что резервныя войска назначаются для выполненія второстепенныхъ операцій на войнѣ, какъ-то: для блокады крѣпости, для охраны путей сообщенія и т. д., а не для полевыхъ дѣйствій, въ которыхъ они могутъ принимать

участіе только въ крайнемъ случаѣ и то послѣ основательной подготовки.

Вливаясь постепенно въ небольшомъ количествѣ въ роты, эскадроны и батареи старыхъ частей полевыхъ войскъ, запасные скоро сливаются съ кадровыми и, проникаясь духомъ части, становятся превосходными солдатами; но въ резервныхъ частяхъ, составляя господствующее большинство, они дѣлались таковыми лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительной работы надъ ними, успѣхъ которой зависѣлъ прежде всего отъ духа, господствовавшаго въ части, а за симъ отъ состава и отъ нѣкоторыхъ другихъ благоприятныхъ условій.

Напримѣръ, тысяча слишкомъ человѣкъ запасныхъ Томской губерніи, собранныхъ въ Томскѣ въ манежѣ для развертыванія томскаго резервнаго баталіона въ полкъ, встрѣтила вошедшаго въ манежъ командира этого баталіона (значить, и развертывавшаго полкъ) полковника Успенскаго крикомъ „ура, шапки полетѣли вверхъ... запѣли „Боже, Царя храни!“ . Неудивительно, что съ проникнутымъ такимъ духомъ составомъ запасныхъ, томскій резервный полкъ вскорѣ оказался на высотѣ лучшихъ полковъ полевыхъ войскъ; но это произошло еще и по-

тому, что командиръ полка былъ молодецъ, кадровые офицеры и солдаты—тоже; часть запасныхъ, можетъ быть, отслужила свою службу въ этомъ баталіонѣ и навѣрное многіе изъ призванныхъ имѣли въ рядахъ баталіона своихъ односельчанъ и родственниковъ. Но если запасные въ развертываемую или вновь формируемую часть набраны со всѣхъ концовъ Россіи, а офицеры—кто съ борку, кто съ сосенки и притомъ со всячинкой, то картина получится иная... А про запасныхъ, которыхъ отправляли на Дальній Востокъ маршевыми командами ¹⁾, и говорить нечего; въ такихъ, какъ извѣстно, были случаи, что приходилось еще въ Москвѣ стрѣлять для усмиренія и отправлять ихъ на войну подъ конвоемъ цѣлыхъ ротъ.

Совершенно другое впечатлѣніе получалось отъ попадавшихся намъ навстрѣчу строевыхъ частей: онѣ ѣхали въ строгомъ порядкѣ, раздавались звуки рожковъ на станціяхъ; на дневкахъ производились ученія. Дисциплинированные, сытые, хорошо одѣтые, выправленные, небольшого роста, все

¹⁾ Т.-е. не въ составѣ какой-либо части, а на укомплектованіе находившихся уже на Дальнемъ Востокѣ, напримѣръ, во Владивостокѣ, полковъ.

молодежь, съ смышленными лицами, солдатики съ видимымъ одушевленіемъ ѣхали на войну. Во время стоянокъ кучки ихъ съ любопытствомъ окружали нашъ поѣздъ, съ участіемъ смотрѣли они на прогуливавшихся раненыхъ офицеровъ, съ особеннымъ почтеніемъ отдавали честь. Помню разъ, такъ нѣсколько человѣкъ подошли къ намъ, и, обратившись къ раненому въ грудь шт.-капитану, спросили: „Ваше благородіе, позвольте узнать, куда вы ранены?“—„Въ грудь, навывлетъ“,—отвѣтилъ тотъ.—„Ну, ничего, Богъ дастъ, поправитесь! а мы за васъ отомстимъ!“—сказали ему въ утѣшеніе солдатики. И это говорили не вольноопредѣляющіеся или, по крайней мѣрѣ, унтеръ-офицеры, а простые рядовые стрѣлки. Правда, что въ это время двигались на Дальній Востокъ лучшія войска Россіи — стрѣлковые полки.

Прогулки на станціяхъ во время остановки поѣзда давали возможность хоть немного забыться отъ пошлыхъ разговоровъ и вздохнуть полной грудью свѣжимъ воздухомъ послѣ безконечно долгаго пребыванія въ пропитанной табачнымъ дымомъ душной атмосферѣ вагона. Я не курю, а подо мной лежалъ раненый капитанъ, очень милый, но

онъ курилъ, курилъ и курилъ такъ, что нерѣдко выкуривалъ меня изъ вагона; не дождавшись остановки, я надѣвалъ бурочные сапоги, ¹⁾ съ трудомъ (рана мѣшала) при помощи солдата облакался въ овчинный тулупъ, такъ что лѣвая, раненая рука была совсѣмъ подъ нимъ, подпоясывался сыромятнымъ ремнемъ, какъ кушакомъ, и, нахлобучивъ по уши папаху, выходилъ на тормозную площадку постоять на вольномъ воздухѣ. Но сибирскій морозъ скоро давалъ себя знать; кромѣ того, на площадкѣ прохватывалъ сквознякъ; продрогши, я снова возвращался дышать табачнымъ дымомъ и слушать тошнотворныя разглагольствованія лежавшаго противъ меня внизу раненаго въ грудь навывлетъ, съ затянувшейся уже, впрочемъ, раной, шт.-капитана съ громкимъ историческимъ именемъ Д. Дон. Типичный алкоголикъ, онъ захватилъ съ собою изъ Харбина полную изъ-подъ керосина банку водки, и тянулъ изъ нея при всякомъ

¹⁾ Сапоги и фуфайку я получилъ изъ комитета Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Уполномоченный этого комитета зашелъ какъ-то въ нашу палату въ Дворянскомъ госпиталѣ и узнавъ, что нѣкоторые изъ насъ собираются ѣхать, предложилъ взять (безвозмездно) изъ склада теплыя вещи, кому какія надо—«напишите только записки»,—пояснилъ онъ.

удобномъ случаѣ, а таковой представлялся часто; на примѣръ, когда вагонъ наклонялся въ мою сторону, и хранившаяся подъ его койкой банка выползала оттуда на середину, то онъ, скосивъ пьяные глаза, съ удовольствіемъ замѣчалъ: „А сама просится... вишь ползеть!“ и, пользуясь случаемъ, выпивалъ; а такъ какъ банка выползала часто, то и шт.-капитанъ былъ постоянно не то, чтобы очень пьянъ, но веселъ безконечно; пьянымъ онъ не напивался; во-первыхъ, потому, что на него, какъ окончательно проспиртовавшагося, водка дѣйствовала слабо, и, во-вторыхъ, пилъ онъ хоть и постоянно, но понемногу,—боялся, что до Омска не хватитъ водки, и все-таки допился, если не до чертиковъ, то до такой степени, что въ Омскѣ уже не былъ въ состояніи написать самъ телеграмму,—такъ дрожали руки. По пословицѣ: „Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“,—пьяненькій шт.-капитанъ успѣлъ за дорогу выболтать всю муть, какая накопилась у него на днѣ души, въ сущности хорошей, но загаженной пошлостью захолустнаго существованія. Споткнувшись смолоду, кажется, на неудачной женитьбѣ, онъ, подобно многимъ русскимъ людямъ, съ горя ухватился за чарочку, которая и довела его до теперешняго

состоянія. Всѣ рассказы шт.-капитана касались по большей части закулисной жизни такъ называемыхъ „порядочныхъ“, по ихъ общественному положенію, женщинъ. Одна, напримѣръ, платила по 25 руб. за доставляемое ей мужчинами наслажденіе... Другая обходилась безъ мужчинъ... при помощи кота... Но особенно любилъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаться къ нѣкоей Аннѣ Ивановнѣ ¹⁾, бойкой барынькѣ изъ уѣздныхъ Мессалинъ, понимавшей толкъ въ подпоручикахъ...

„Приходитъ какъ-то къ намъ“, повѣствовалъ шт.-капитанъ чуть ли не въ десятый разъ, „Анна Ивановна съ Дашей; мы съ П—овымъ жили въ одной комнатѣ. „Ну, ничего“,—говорить Анна Ивановна, и чтобы не видно было, повѣсила поперекъ комнаты свою шаль... А черезъ пять минутъ спрашиваетъ: „Что же вы съ Дашей тамъ такъ долго?“...

Этотъ и подобные рассказы шт.-капитана не были анекдотами, какими обыкновенно любятъ щегольнуть передъ только что сошедшими со школьной скамьи подпоручиками разные армейскіе „молодчаги“-капи-

¹⁾ Имя вымышленное.

таны и въ которыхъ сальность замѣняетъ остроту. Нѣтъ, онъ просто рисовалъ сальными мазками картину безпросвѣтной жизни офицерства въ захолустномъ мѣстѣ, гдѣ все свободное отъ службы время отдается пьянству, картамъ и любовнымъ похождениямъ по звѣриному способу... И не его вина, что фонъ картины получался сальный и фигуры на ней—грязныя, тошнотворныя...

„Это у меня на почвѣ сифилиса, а не отъ раны“, слышится голосъ молодого поручика-поляка, лежавшаго въ другомъ углу вагона,—„не опасно: заразиться нельзя—третьичная форма“, успокаиваетъ онъ своего собесѣдника:—„Мерзавецъ-мишурисъ ¹⁾), привелъ дѣвочку... вотъ я и схватилъ“...

„Ну, такъ вотъ начальникъ дивизіи мнѣ и говорить“, продолжалъ поручикъ свой прерванный объясненіемъ о причинѣ хрипоты рассказъ: „Я переведу васъ въ другой полкъ, въ этомъ полку вамъ оставаться нельзя“...—„Нѣтъ, говорю, я не хочу переводиться“.—„Ну, тогда вы будете назначены въ дѣйствующую армію“,—„Слушаю,—гово-

¹⁾ Евреевъ, занимавшихся посредничествомъ въ Западномъ краѣ, называютъ факторъ, мишурисъ.

рю,— какъ вамъ угодно, ваше превосходительство“...

Этотъ полубольной поручикъ и пьяненькій шт.-капитанъ, возможно, что держали себя молодцами въ бою, но все-таки являлись представителями двухъ категорій офицеровъ, безусловно нежелательныхъ и вредныхъ для дѣйствующей арміи, гдѣ отъ офицера требуется полное напряженіе какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ. Поэтому нельзя назвать иначе, какъ преступниками, тѣхъ начальниковъ, которые, желая очистить свои части, посылали въ армію разную госпитальную заваль, и посылка на театръ военныхъ дѣйствій завѣдомо больныхъ и слѣдовательно совершенно негодныхъ для арміи офицеровъ была не исключеніемъ, а практиковалась въ большихъ размѣрахъ.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьму свой полкъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1904 г. къ намъ, когда полкъ стоялъ въ Южной Манчжуріи, прибылъ изъ Петербурга нашъ вновь сформированный 3-й батальонъ. Послѣ боя подъ Вафангоу 1-го и 2-го іюня, изъ четырехъ ротныхъ командировъ этого баталіона остался въ строю всего лишь одинъ, именно капитанъ Длусскій (полякъ), убитый потомъ подъ Сандепу; остальные же трое не были

ни убиты, ни ранены, а просто подъ разными предлогами (по болѣзни, для занятія тыловыхъ должностей) удалились въ тылъ и пребывали тамъ до конца кампаніи.

Приведшій изъ Петербурга баталіонъ командиръ баталіона, подполковникъ (фамилію его, къ сожалѣнію, забылъ) на удивленіе всѣмъ намъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда въ Южной Манчжуріи совсѣмъ тепло, носилъ таленки: у него была подагра и, кромѣ того цѣлый ассортиментъ разныхъ болѣзней, унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ. Само собой разумѣется, что съ такимъ багажемъ ему не до войны было, отправился же онъ сюда, чтобы получить довольно крупную сумму „прогонныхъ“, „подъемныхъ“ и прочія блага, въ томъ числѣ и важную для пенсіи запись въ послужной списокъ: „Въ походахъ противъ непріятеля участвовалъ“, хотя участія этого всего было нѣсколько часовъ, потому что едва успѣвъ представить баталіонъ, подполковникъ заболѣлъ и легъ въ „Красный Крестъ“, откуда преблагополучно на казенный счетъ возвратился въ Россію въ качествѣ эвакуированнаго ¹⁾).

¹⁾ Умеръ онъ потомъ въ должности воинскаго начальника.

Съ Кавказа съ офицерами на пополненіе прибылъ подполковникъ Богд—въ; онъ всегда носилъ между ногъ особое резиновое приспособленіе, куда выливалась проскальзывавшая черезъ подполковника безъ всякой задержки каждая выпитая имъ рюмка водки, а выпивалъ онъ много... Этотъ тоже, не понохавъ пороху, скоро скрылся съ горизонта.

Третій въ этомъ же родѣ, полковникъ изъ Петербурга А—евъ продержался въ полку дольше другихъ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и держалъ себя въ нихъ сносно; это былъ высокообразованный офицеръ, хорошій товарищъ и человѣкъ вообще, но онъ былъ глухъ¹⁾ до того, что, бывало, командиръ полка приказываетъ ему: „Полковникъ А—евъ! ведите вашъ баталіонъ, туда вправо, вонъ на ту сопку!“. А полковникъ А—евъ, предполагая, что командиръ справляется о его здоровьѣ, беретъ руку подъ козырекъ и съ пріятной улыбкой отвѣчаетъ: „Покорнѣйше благодарю, господинъ полковникъ! сегодня гораздо лучше!“... Слыхали вы, читатель, побасенку: „Здорово, кума!“—„На базарѣ была“.—„Аль ты глуха?“—„Купила пѣтуха“.—

¹⁾ Глухота его усилилась еще послѣ контузіи, полученной имъ, кажется, подъ Вафангоу.

„Прощай, кума!“—„Полтину дала“. Вотъ эта побасенка, на общую потѣху, повторялась у насъ каждый день...

На начальниковъ, посылавшихъ на войну такую калѣчу, слѣдовало бы налагать наказанія, да, кромѣ того, взыскивать съ нихъ всѣ тѣ прогонныя, суточные и подъемныя деньги, которыя выданы отправленнымъ ими на войну завѣдомо непригоднымъ по состоянію здоровья офицерамъ.

Ко второй категоріи нежелательныхъ, или вѣрнѣе, вредныхъ офицеровъ надо отнести значительную часть призванныхъ изъ запаса, куда многіе выходятъ не по своей волѣ. Упомянутый пьяненькій шт.-капитанъ за порочное поведеніе былъ судимъ судомъ общества офицеровъ и присужденъ къ удаленію изъ службы, но оно не состоялось по случаю объявленія мобилизаціи...

Если сами же товарищи признали его недостойнымъ носить офицерскій мундиръ, то значить было за что. Русское офицерство и его начальство—люди очень добрые, но при этомъ нерѣдко забываютъ общіе интересы арміи. Вмѣсто того, чтобы тѣмъ или инымъ оффиціальнымъ ¹⁾ путемъ удалять порочныхъ

¹⁾ Оффиціально удаленный со службы (такіе увольняются въ отставку, а не въ запасъ), все равно,

офицеровъ изъ службы, имъ обыкновенно частнымъ образомъ предлагаютъ уйти въ запасъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Такіе неофициально исключенные изъ службы офицеры, будучи во время войны призваны изъ запаса, становятся снова полноправными начальниками нижнихъ чиновъ и товарищами офицеровъ. Легко себѣ представить вредъ, какой они наносятъ войскамъ, ядомъ разливаясь по частямъ арміи и отравляя ихъ, когда и безъ того организмъ частей претерпѣваетъ серьезныя потрясенія отъ прилива большого числа запасныхъ.

Доводъ, что „такіе“ опороченные въ мирное время офицеры оказываются на войнѣ храбрецами,—не убѣдителенъ. Храбрость—не главное качество офицера. На войнѣ дерутся непрерывно день, два... недѣлю, ну, наконецъ, двѣ; а въ промежуткахъ между сраженіями проходятъ мѣсяцы, когда войска маневрируютъ: наступая, отступая, или въ ожиданіи непріятеля стоятъ на мѣстѣ; при этомъ нерѣдко переносятъ холодъ, голодъ и другія лишенія, подчасъ на войнѣ неизбежныя. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ походно-боевой

въ административномъ порядкѣ или по суду общества офицеровъ, уже не можетъ попасть въ армію.

жизни отъ офицера, прежде всего, требуется умѣнье поддержать среди подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ части, какъ бы мала она ни была, дисциплину и порядокъ, сохранить здоровье ихъ и бодрость духа.

Чтобы достигнуть всего этого, офицеръ самъ долженъ быть дисциплинированъ, порядливъ, здоровъ, выносливъ и бодръ духомъ. Спрашивается, какой примѣръ могъ дать солдатамъ, хотя бы и храбрый въ сраженіи, но вѣчно пьяненькій шт.-капитанъ? Постоянно пошатывавшійся самъ, какъ онъ могъ поддержать легко расшатывающійся на войнѣ основной устой всякой воинской части—дисциплину, которая зиждется главнымъ образомъ на уваженіи подчиненныхъ начальника!!

Говоря о нежелательныхъ и вредныхъ офицерахъ, скажу кстати нѣсколько словъ и о прапорщикахъ запаса, также въ прошлую войну нерѣдко подававшихъ поводъ къ основательнымъ нареканіямъ.

Какъ сырой, необработанный матеріалъ, ихъ надо сначала выдерживать и готовить умѣлыми руками начальниковъ хорошихъ строевыхъ частей, тогда изъ нихъ могутъ выходить надежные офицеры. Но попадая сразу послѣ мобилизаціи въ небла-

гопріятныя условія, они скоро портятся сами и портятъ подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ; поэтому ихъ не слѣдуетъ совать куда попало, и не назначать во вновь формируемыя или развертываемыя резервныя части,—чему они тамъ могутъ научить ратниковъ или запасныхъ, когда ихъ самихъ еще надо учить, а главное—дисциплинировать!

Въ Омскѣ я избавился отъ отравлявшей мое существованіе неудачной компаніи невольныхъ товарищей, не сѣвъ съ ними въ одинъ вагонъ, когда насъ пересаживали въ 22-й санитарный поѣздъ. Это былъ нормальный санитарный поѣздъ, который по своимъ приспособленіямъ (кухни, перевязочной и т. п.) и удобствамъ для раненыхъ вполне отвѣчалъ своему назначенію, не заставляя желать ничего лучшаго. Но, къ сожалѣнію, такихъ нормальныхъ, называемыхъ просто „санитарными“, поѣздовъ не хватало на всю длинную линію въ 8,000 верстъ слишкомъ отъ Москвы до Харбина, и они работали въ перемежку съ „военно-санитарными“ и „сборными“, или въ просторѣчій „теплушками“.

Если не ошибаюсь, поѣздъ обслуживался кievской общиной Краснаго Креста. Несмотря на то, что на немъ все было лучше, чѣмъ на двухъ предыдущихъ, особенно столъ,

однако мы почти всѣ переболѣли здѣсь инфлюэнціей; сказалось, должно быть, переутомленіе дорогой. Но зато я отдохнулъ душой: новые товарищи попались все благовоспитанные, культурные люди... Изъ числа ихъ помню капитана Руднева ¹⁾, съ тяжелой, незакрывшейся раной въ ногѣ и капитана Новочеркаскаго полка (фамилію забылъ), съ пулей, сидѣвшей въ ногѣ, которая его беспокоила. Пулю эту въ Харбинѣ три раза принимались у него вынимать, но каждый разъ неудачно—не находили ²⁾. „Третій разъ я долго не соглашался“,—разсказывалъ капитанъ, „меня едва убѣдили—теперь уже сдѣлаемъ подъ хлороформомъ“,—говорилъ докторъ,—не беспокойтесь, найдемъ. И что же! очнулся послѣ операціи, а врачъ говорить: „Простите, опять не нашли“... Такъ я чуть со злости не ударилъ его... Три раза вѣдь! Первые два—такъ безъ хлороформа ковырялись, боль-то какая! Ну, да ничего, въ Петербургѣ вытащать“....—утѣшалъ себя милый капитанъ:—„Хорошо, по крайней мѣ-

¹⁾ Съ нимъ мы потомъ долго лежали въ московской университетской клиникѣ.

²⁾ Операцію дѣлали въ какомъ-то, только не Дворянскомъ, госпиталѣ, очевидно и тамъ не было рентгеновскаго кабинета.

рѣ, что нога покалѣчена, а не рука, какъ у васъ; я люблю музыку, играю на скрипкѣ, въ концертахъ выступаю... Что бы я сталъ дѣлать безъ руки-то?!"

Хорошо было также и то, что мы, какъ-никакъ, но все-таки возвращались назадъ, тогда, какъ другіе только еще отправлялись зимней порой въ суровую, далекую Манчжурію.

Въ Серпуховѣ во время остановки поѣзда я былъ свидѣтелемъ проводовъ на войну запаснаго. Мужчина, лѣтъ 35-ти, съ умнымъ, благообразнымъ лицомъ, съ котомкой за плечами, въ хорошей крестьянской одеждѣ, въ сапогахъ, суконной теплой поддевкѣ; снявъ картузь и истово перекрестившись три раза, онъ началъ цѣловать малолѣтнихъ дѣтей, плакавшую жену... Поилецъ, кормилецъ семьи, теперь онъ шелъ исполнять свой тяжелый долгъ передъ родиной; на его выразительномъ лицѣ ясно отражалась покорность судьбѣ и волновавшія его чувства; но онъ не плакалъ, видимо сдерживаясь, чтобы своими слезами еще больше не огорчать близкихъ ему и особенно дорогихъ въ этотъ роковой моментъ разлуки, быть можетъ, навсегда. Тамъ, на далекой чужбинѣ, уже многія тысячи такихъ, какъ онъ, безвѣстно и беззавѣтно сложили свои головы...

Это былъ не *chair à saup*, какъ великій авантюристъ Наполеонъ I удостоилъ называть (должно быть въ награду) своихъ бездомныхъ скитальцевъ-солдатъ изъ санкюлотовъ (безштанниковъ), замѣнившихъ имя Бога именемъ императора. Нѣтъ, уходилъ на смерть отецъ семьи, хорошій домохозяинъ, разумный человекъ, мыслящій и чувствующій какъ скромный носитель многовѣковой христіанской культуры...

Жизнь его представляетъ извѣстную культурную цѣнность, располагать которой государство должно съ большою осмотрительностью¹⁾,—думалъ я, и у меня невольно шевельнулось недоброе чувство къ тѣмъ, по чьей винѣ изъ-за плохо понятыхъ государственныхъ интересовъ устраивались гека-томбы изъ людей, подобныхъ этому запасному.

Тяжелая сцена кончилась,—поѣздъ тронулся... Скоро наступилъ вечеръ, вдали показалось какъ бы зарево громаднаго пожара, потомъ замелькали привѣтливые огни давно ожидаемой Москвы, къ которой я, наконецъ, подѣхалъ совершенно разбитый послѣ сорока сутокъ утомительнаго, непрерывнаго пути...

¹⁾ Пушечное мясо.

Цѣна 60 коп.

29336

252
кр кн

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ:

Москва, кн. маг. „Наука“, Б. Никитская; кн.
маг. „Образованіе“, Кузнецкій мостъ.

С.-Петербургъ, кн. складъ „Земля“, Невскій,
55, кв. 14.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Новое
Время, т-ва Вольфъ, Карбасникова и т. д. и
въ кіоскахъ желѣзно-дорожныхъ станцій.

37.36.7.78